E 55/380

E 55/380

380

М. МАЗЮКЕВИЧЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

1876—1878 ГГ.

Безплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ“ за 1900 г.

Издалъ В. Березовскій

С. Петербургъ, Колокольная ул., соб. домъ, № 14.

1900.

ВОСПОМИНАНІЯ

Е 55
380

о 1876–1878 гг.

М. Мазюкевичъ.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІО-ТЕКА

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственный домъ, № 14.

1900.

1187

2007111368

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюля 1900 г.

Типографія Треніке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

Воспоминанія о 1876—1878 гг.

Въ 1876 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при формированіи полевыхъ управленій арміи, предназначенной для дѣйствій въ Европейской Турціи, я былъ назначенъ въ распоряженіе начальника инженеровъ дѣйствующей арміи. На эту должность былъ избранъ генералъ-маіоръ Деппъ.

Такое назначеніе не мало удивило всѣхъ знавшихъ этого сравнительно молодого и неопытнаго генерала. Предшествовавшая служба выдвинула его не вслѣдствіе выдающихся способностей, а умѣньемъ обращать на себя вниманіе начальства; а это умѣнье, при нѣкоторой протекціи, почти всегда приноситъ больше пользы, чѣмъ дѣйствительныя качества. Въ практикѣ мирнаго времени Деппъ не уклонялся отъ существующихъ положеній, постановленій и т. п.; но, когда требовались дѣйствія рѣшительныя, самостоятельныя, когда приходилось брать на себя всю отвѣтственность и принимать рѣшенія, закономъ не указанныя, для этого у него не было гражданскаго мужества, столь же необходимаго, какъ и личная храбрость.

Какъ на старшаго изъ числа инженерныхъ офицеровъ, назначенныхъ въ дѣйствующую армію изъ Петербурга по отъѣздѣ Деппа въ Варшаву сдавать должность, на меня легли нѣкоторыя его обязанности.

Едва сформировался полевой штабъ, какъ къ начальнику штаба генералу Непокойчицкому и къ его помощнику генералу Левицкому стали являться разные прожектеры съ своими болѣе или менѣе курьезными предложеніями.

Одинъ изъ любителей, напримѣръ, явился предложить раздвижную лѣстницу, возимую одною лошадью; въ раздвинутомъ видѣ лѣстница могла держаться вертикально, безъ всякихъ подпоръ, а въ случаѣ надобности ее можно держать, тоже безъ подпоръ, и въ наклонномъ положеніи, подъ любымъ угломъ къ горизонту. Изобрѣтатель находилъ, что его лѣстница можетъ служить для обозрѣнія мѣстности, замѣняя обсерваторію; служить для перехода черезъ рвы и еще для многихъ другихъ цѣлей; главная же изъ нихъ состояла въ полученіи весьма крупной привилегіи. Генералъ Непокойчицкій лично поручилъ мнѣ подробно ознакомиться съ этимъ предложеніемъ и доложить ему мое о о ней мнѣніе. Предложеніе это было отклонено.

Нѣсколько разъ меня приглашалъ къ себѣ также генералъ Левицкій, которому должно было объяснять устройства различныхъ подводныхъ минъ, принятыхъ у насъ, а также и у иностранцевъ.

Въ 2 часа пополудни 19 ноября 1876 г. поѣздъ Николаевской желѣзной дороги тронулся изъ Петербурга, увозя главнокомандующаго Дунайской дѣйствующей арміей, Великаго Князя Николая Николаевича, съ его штабомъ и чинами полевыхъ управленій.

Въ самомъ началѣ турецкой кампаніи предстояло исполнить двѣ весьма трудныхъ операціи: переправы черезъ Прутъ и Дунай [1]).

---

[1]) О трудности переправъ вотъ какъ говорилъ Наполеонъ I: De toutes les opérations de la guerre, il n'en est aucune de plus hasardeuse et de plus difficile que celle d'un passage de fleuve considérable. En songeant à tout ce

Переправа черезъ Прутъ не представляла большихъ затрудненій, какъ вслѣдствіе незначительной ширины рѣки и по имѣнію въ Галацѣ въ достаточномъ количествѣ всякаго рода матеріаловъ для устройства мостовъ, такъ и потому еще, что можно было разсчитывать не встрѣтить сопротивленія со стороны Румыніи. Но слѣдовало предвидѣть, что переправа черезъ Дунай будетъ совершаться при условіяхъ совершенно противоположныхъ. Быстрое теченіе и значительная ширина рѣки, которая почти на всемъ своемъ протяженіи течетъ по нѣсколькимъ рукавамъ, образуя много большихъ и малыхъ острововъ, уже представляли большія затрудненія. Недостатокъ и даже почти полное отсутствіе матеріаловъ, потребныхъ для мостовъ, вынуждали заготовленіе ихъ въ дальнихъ мѣстностяхъ и, потомъ, доставку матеріаловъ къ мѣсту избранному для переправы. Все это можно было исполнить, приступивъ къ дѣлу заблаговременно. Наконецъ, не подлежало сомнѣнію, что турки окажутъ энергичное сопротивленіе нашему предпріятію.

На приготовленіе заблаговременно всего необходимаго для мостовъ нельзя было рѣшиться потому, что Молдаво-Валахія находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи и, по увѣренію румынъ, была переполнена турецкими шпіонами; это обстоятельство, можно думать, не дозволяло румынскому правительству дать согласіе на то, чтобы заготовленные матеріалы были доставлены въ Румынію еще до объявленія войны. Дѣйствительно, пока война не была объявлена, румынское правительство поступало очень осторожно, давало уклончивые отвѣты; и во всѣхъ дѣйствіяхъ какъ

---

qu'il faut de soins, de précautions, de matériaux pour une telle opération, au concours de circonstances nécessaires pour la faire réussir, aux inconvénients que le moindre dérangement de la part de l'ennemi peut occasionner, on est surpris qu'elle réussisse jamais.

правительства, такъ и всего общества страны, нельзя было видѣть сочувствія къ надвигающейся войнѣ съ Турціей.

Предстоящія переправы видимо озабочивали нашего главнокомандующаго. Думаю такъ, потому что во время пути, при одной продолжительной остановки поѣзда, Его Высочество, выйдя на платформу, подозвалъ меня и разспрашивалъ, не извѣстны ли мнѣ какія-либо подробности о переправахъ и мостахъ на Дунаѣ во время кампаній 1828—1829 гг. и 1853—1854 гг.

Я доложилъ все, что мнѣ было извѣстно, и какія свѣдѣнія взяты изъ архива главнаго инженернаго управленія.

„Какъ только пріѣдемъ въ Кишиневъ, надо немедленно собрать свѣдѣнія о Дунаѣ, о средствахъ края и составить соображеніе объ устройствѣ мостовъ,“ приказалъ Его Высочество.

Это приказаніе, своевременно, я доложилъ начальнику инженеровъ.

Я зналъ, что послѣ кампаніи 1828—1829 гг. Императоръ Николай Павловичъ назначилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Шуберта, возложивъ на нее составленіе подробнаго описанія княжествъ Молдавіи и Валахіи. Трудъ этой комиссіи состоитъ изъ двухъ большихъ рукописныхъ томовъ, въ которыхъ имѣются вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія: топографическія, климатическія, статистическія, геологическія и этнографическія. Описаніе пояснено планами, чертежами, картами и даже рисунками типовъ и костюмовъ мѣстнаго населенія.

Состоя для порученій при начальникѣ инженеровъ, въ теченіе нѣкотораго времени по прибытіи въ Кишиневъ я не имѣлъ никакого назначенія или порученія. Свободнаго времени было много. Чтобы занять себя, я обратился въ топографическій отдѣлъ полевого штаба. Разсматривая, что содержалось въ этомъ отдѣлѣ, я напалъ на подлинные руко-

писные томы генерала Шуберта. Завѣдующій отдѣломъ, полковникъ Абламьевскій, согласился дать ихъ мнѣ на квартиру, и я усердно принялся возобновлять въ памяти то, что было раньше извѣстно, и знакомиться съ тѣмъ, что было для меня ново. Въ 1876 году трудъ генерала Шуберта хотя и можно было считать устарѣвшимъ, но топографическій отдѣлъ его, конечно, сохранилъ всѣ свои достоинства.

Время, употребленное на прочтеніе большей части сборника генерала Шуберта, не считаю потерянным, потому что почерпнутыя изъ него свѣдѣнія не разъ оказывались весьма полезными.

Генералъ Шубертъ изслѣдовалъ Дунай на всемъ протяженіи отъ Орсова до Чернаго моря. Въ описаніи Дуная указаны: скорость теченія и ширина рѣки въ разныхъ пунктахъ; острова Дуная; мѣста, наиболѣе удобныя для переправъ; топографія прилежащихъ частей лѣваго берега рѣки; судоходство по ней и т. п.

Впослѣдствіи мнѣ довелось побывать на многихъ изъ описанныхъ пунктовъ. Нельзя было не обратить вниманія на точность и подробности описанія, сдѣланнаго генераломъ Шубертомъ.

Позволяю себѣ сдѣлать указаніе на одно свѣдѣніе, данное Шубертомъ, хотя и неимѣющее отношенія къ занимавшему насъ вопросу, но не лишенное нѣкотораго интереса. Въ разстояніи около 120 верстъ отъ Букареста по желѣзной дорогѣ въ Краіово, у подножія отроговъ Карпатскихъ горъ, лежитъ небольшой городъ Питешты. Генералъ Шубертъ указываетъ, что окрестности этого городка изобилуютъ минеральными богатствами, особенно ртутью; эти богатства до сего времени остаются никѣмъ неразрабатываемыми. Мнѣ случилось побывать въ этихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, нельзя было не обратить вниманія на болѣзненный видъ мѣстныхъ жителей и на ихъ черные шатающіеся

зубы. Отъ этихъ же жителей я слышалъ, что даже въ водѣ, зачерпываемой со дна колодцевъ, нерѣдко встрѣчаются крупинки ртути.

Спустя нѣкоторое время по прибытіи въ Кишиневъ, начальникъ инженеровъ поручилъ мнѣ составить проектъ плотового моста, опредѣлить количество потребныхъ для него матеріаловъ и указать, какіе матеріалы могутъ быть пріобрѣтены на мѣстѣ, т. е. въ Румыніи, и какіе необходимо доставить изъ Россіи. Но при этомъ не были указаны ни ширина рѣки, ни мѣсто, гдѣ предположено устроить мостъ. Это порученіе было исполнено и представлено начальнику инженеровъ.

Тѣмъ временемъ, два инженерныхъ офицера были посланы на р. Прутъ для осмотра мѣстности, гдѣ предполагались переправы: у Фольчи, Леово и у Рени.

Когда, согласно составленнаго проекта плотового моста, опредѣлилось количество потребныхъ для него матеріаловъ, послѣдовало такое распоряженіе: два флотскихъ офицера (Дубасовъ и, кажется, Рагуля) были посланы въ Одессу, Николаевъ и Севастополь заказывать металлическія принадлежности для моста, и два инженерныхъ офицера (Кирпичевъ и Битнеръ) отправлены въ Румынію для отысканій мѣста и способа заготовленія бревенъ, досокъ и другихъ строительныхъ матеріаловъ. Якоря и цѣпи для нихъ, если не всѣ, то все-таки въ большомъ количествѣ, стали доставлять даже изъ Кронштадта.

Нужно замѣтить, что рѣшеніе пріобрѣсти въ Румыніи бревна, въ очень большомъ количествѣ, не имѣло основанія. Вѣроятно генералу Деппу не было извѣстно, что, приготовляясь къ кампаніи 1853 года, плотовой мостъ для Дуная былъ заготовленъ въ Николаевѣ и, въ разобранномъ видѣ, на мор-

скихъ судахъ, доставленъ въ Измаилъ, принадлежавшій тогда Россіи. Въ 1876 году мы не владѣли ни однимъ клочкомъ лѣваго берега Дуная, по которому, къ тому же, свободно плавала довольно многочисленная турецкая флотилія, состоявшая изъ военныхъ пароходовъ, мониторовъ и плавучихъ батарей. Съ другой стороны было достовѣрно извѣстно, что въ Румыніи, за исключеніемъ развѣ Галаца, лѣсныхъ складовъ нигдѣ нѣтъ; разсчитывать же на тѣ бревна, которыя къ веснѣ будутъ вырублены въ горахъ, на сѣверной границѣ Румыніи, было весьма неосторожно, что потомъ и оправдалось на дѣлѣ. Какъ бы то ни было, но вышеописанное рѣшеніе было принято.

Въ началѣ декабря я получилъ приказаніе въ опредѣленный день и часъ быть у начальника штаба генерала Непокойчицкаго для участія въ обсужденіи какого-то проекта, предлагаемаго капитаномъ 1-го ранга Новосильцевъ.

Для уничтоженія турецкой флотиліи, безнаказанно плававшей по Дунаю, Новосильскій предлагалъ купить пароходъ, покрыть его стѣны сплошнымъ рядомъ толстыхъ якорныхъ цѣпей, съ цѣлью замѣнить ими броню и, затѣмъ, пуститься громить турецкіе мониторы и канонерскія лодки помощью поставленныхъ на пароходѣ орудій и какихъ-то другихъ разрушительныхъ снарядовъ. Къ этому проекту, совершенно американскаго пошиба, всѣ присутствовавшіе отнеслись съ явнымъ недовѣріемъ и цѣпной броненосецъ канулъ въ Лету.

Спустя немного времени меня пригласилъ къ себѣ генералъ Левицкій. Я засталъ его углубленнымъ въ разсматриваніе карты, разложенной на большомъ столѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Левицкій сказалъ, что онъ сообщитъ мнѣ большой секретъ и потребовалъ, чтобы я далъ ему честное слово никому не сообщать того, что я отъ него узнаю. Послѣ такого торжественнаго вступленія, Левицкій

сообщилъ, что для разработки плана кампаніи необходимо имѣть самыя подробныя свѣдѣнія о мѣстныхъ средствахъ для переправъ, о Дунаѣ, о лежащихъ на немъ крѣпостяхъ и проч.; что онъ, т. е. Левицкій, и начальникъ штаба возлагаютъ на меня собраніе необходимыхъ свѣдѣній, съ увѣренностью, что я, сознавая всю важность порученія, исполню его хорошо. Я спросилъ, чтобы Левицкій, хотя приблизительно, указалъ на какія именно мѣста слѣдуетъ обратить главное вниманіе? тогда онъ назвалъ теченіе р. Аржиша и лѣвый берегъ Дуная отъ Журжи до Калараша. Такъ какъ съ указанными Левицкимъ мѣстами я успѣлъ уже ознакомиться по сборнику Шуберта и по изученію войны 1828—1829 гг., то я счелъ нужнымъ сообщить то, что мнѣ было извѣстно.

— Вы развѣ уже были на Дунаѣ? спросилъ Левицкій.

— Нѣтъ не былъ.

— Какимъ же путемъ вы узнали такія подробности?

Я разсказалъ о сборникѣ Шуберта.

— А-а-а! протянулъ мой вопроситель.

По совѣту Левицкаго, мнѣ слѣдовало ѣхать подъ вымышленнымъ именемъ, соблюдать строгое инкогнито и избѣгать сношеній даже съ русскими офицерами, если таковыхъ встрѣчу; здѣсь подъ словами „избѣгать сношеній“ слѣдовало разумѣть „не сообщать по какому порученію“ я командированъ въ Румынію.

Свиданіе кончилось новымъ требованіемъ сохранять тайну и совѣтомъ взять переводчика изъ Кишинева, такъ какъ на румынъ полагаться нельзя.

Весь слѣдующій день ушелъ на сборы. Нужно было получить заграничный паспортъ, деньги, пріискать переводчика, обзавестись штатскимъ платьемъ. И такъ какъ поѣздъ въ Унгени отходилъ изъ Кишинева только разъ въ день

около 7-ми часовъ утра, то пришлось еще одну ночь провести въ Кишиневѣ.

Рекомендованный мнѣ переводчикъ, здоровенный дѣтина, вершковъ 9-ти ростомъ, оказался хуже малаго ребенка и скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ человѣкомъ.

Торопясь на поѣздъ, я забылъ вложить въ ручной чемоданъ конвертъ, въ которомъ были разныя замѣтки, адреса, кроки и т. п. Чемоданъ былъ уже на извозчикѣ, когда я увидѣлъ конвертъ, оставленный на столѣ. Карманы пальто были наполнены папиросами, сигарами, спичками и т. п. предметами; поэтому я отдалъ конвертъ переводчику, сказавъ, чтобы онъ хорошенько его спряталъ, не потерялъ и что я конвертъ возьму обратно, когда пріѣдемъ въ Унгени, гдѣ придется ожидать отправленія поѣзда въ Яссы. Въ Унгени, однако, насъ доставили, когда румынскій поѣздъ уже ушелъ. Нужно было найти извозчика, который довезъ бы насъ до Яссъ, откуда мы могли бы отправиться далѣе на слѣдующее утро. Пріѣхавъ въ Яссы уже поздно ночью, я торопился поужинать (проголодавъ весь день) и лечь спать; о злосчастномъ же конвертѣ забылъ и вспомнилъ о немъ только пріѣхавъ въ Букарестъ. Тутъ оказалось слѣдующее: мой 9-ти вершковый дѣтина нарядился въ огромную волчью шубу и былъ похожъ скорѣе на бѣлаго медвѣдя, нежели на человѣка, и поэтому въ вагонѣ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. На него смотрѣли какъ на чудовище, а онъ вообразилъ, что въ немъ видятъ подозрительнаго человѣка, имѣющаго въ карманѣ важныя бумаги. На пути во время остановокъ я встрѣчалъ его и замѣтилъ, что дѣтина дрожитъ.

— Неужели, спрашиваю, вы озябли въ такой шубѣ?

— Нѣтъ-съ, по мнѣ что-то нездоровится.

Послѣ же онъ признался, что дрожалъ отъ страха быть схваченнымъ и, чтобы уменьшить свою отвѣтственность, онъ,

незамѣтно для другихъ, выбросилъ конвертъ за окно вагона. Ну, подумалъ я, хорошъ великанъ. Тотчасъ же разсчиталъ его и предоставилъ убираться куда ему вздумается.

Отдѣлавшись отъ геркулеса, я отправился къ нашему генеральному консулу, барону Стуарту. Отъ него узналъ, гдѣ жили мои знакомые Г. И. Бобриковъ и П. Д. Паренсовъ, уже нѣкоторое время находившіеся въ Букарестѣ. Эта встрѣча была для меня полезна, потому что они могли дать совѣтъ, гдѣ и какъ найти надежнаго переводчика и проводника, знающаго край и имѣющаго въ немъ знакомыхъ, отъ которыхъ можно бы было получить какія-либо свѣдѣнія. Секретничать съ Бобриковымъ или Паренсовымъ было лишнее и не имѣло смысла.

П. Д. Паренсовъ въ тотъ же день познакомилъ меня съ г. Евлогіо Георгіевымъ, очень богатымъ болгариномъ, кажется банкиромъ, живущимъ въ Букарестѣ. Евлогіо велъ обширную хлѣбную торговлю и поэтому во всѣхъ главныхъ торговыхъ городахъ румынскаго берега Дуная имѣлъ агентовъ. Онъ охотно снабдилъ меня запискою къ одному изъ своихъ агентовъ (въ Ольтеницѣ) и поручилъ ему оказывать мнѣ всякое содѣйствіе, въ которомъ я буду имѣть надобность.

На слѣдующій же день утромъ я отправился въ Ольтеницу. Осмотрѣвъ что нужно и получивъ отъ ольтеницкаго агента записки къ его собратьямъ въ Журжѣ и въ Каларашѣ, я отправился сперва въ Журжу, оттуда въ Букарестъ и далѣе въ Каларашъ.

Агенты Евлогія были чрезвычайно для меня полезны. Подолгу проживая на одномъ и томъ же мѣстѣ, они хорошо знали край и давали мнѣ такія подробныя свѣдѣнія, какихъ я не могъ бы получить, отъ мѣстныхъ жителей крестьянъ, черезъ переводчика. Для поѣздокъ по окрестностямъ, даже на довольно большія разстоянія, эти агенты доставляли мнѣ

верховыхъ лошадей или повозки и, если не могли сами сопровождать меня, то посылали со мной своихъ служащихъ. расторопныхъ и свѣдущихъ людей.

Отъ Букареста до Будешти я проѣхалъ лѣвымъ берегомъ р. Дембовицы, а далѣе до Ольтеницы лѣвымъ же берегомъ Аржиша. Во время кампаніи 1828—1829 гг. р. Аржишъ служила мѣстомъ заготовленія всѣхъ средствъ для переправы черезъ Дунай [1]). Но въ 1876 году на берегахъ Аржиша не было даже признаковъ, что тамъ строятъ лодки или занимаются лѣсной торговлей.

Агенты Еѵлогія объяснили мнѣ, что греки, турецкіе подданные, въ рукахъ которыхъ, съ 1856 года, находится все каботажное судоходство на Дунаѣ, перебрались на правый его берегъ; тамъ имѣютъ свои пристани для зимовки судовъ и на лѣвомъ берегу появляются только грузить товары, для которыхъ они зафрахтованы. Дѣйствительно, у всѣхъ мало-мальски значительныхъ турецкихъ городовъ зимовало довольно много баржъ, буксирныхъ пароходовъ и большихъ лодокъ; у лѣваго же берега подобная флотилія находилась только у Галаца или, вѣрнѣе, въ устьяхъ Прута и Серета. Отсутствіе на Аржишѣ строенія лодокъ объясняли тѣмъ, что судовладѣльцы предпочитаютъ перевозить грузы на большихъ баржахъ и судахъ, которыя на малыхъ рѣчкахъ строить нельзя. Въ этомъ заключались всѣ добытыя мною свѣдѣнія о тѣхъ перевозочныхъ средствахъ, которыя можно разсчитывать найти на Дунаѣ. Всѣ они находились у турецкаго берега. а на лѣвомъ встрѣчались лишь случайно. И такъ какъ слѣдовало думать, что турки заберутъ, своевременно въ свои руки все пригодное для плаванія по рѣкѣ, то на мѣстныя средства нельзя было разсчитывать.

Въ теченіе многократныхъ войнъ съ Турціею, почти всѣ

---

[1]) «Жизнь и служба генералъ-адъютанта К. А. Шильдера». «Инженерный журналъ» 1875 и 1876 годовъ.

крѣпости на берегу Дуная подвергались атакамъ нашихъ войскъ и, взглянувъ на любую изъ нихъ, рождаются воспоминанія о бояхъ, происходившихъ подъ стѣнами этихъ твердынь.

Окрестности Рущука, съ 1773 года, много разъ обагрялись русской кровью. Одна осада этой крѣпости въ 1810 году (гр. Каменскій) стоила огромныхъ потерь въ людяхъ, а бой подъ стѣнами Рущука, въ іюнѣ 1811 года, (кн. Кутузовъ) былъ сопряженъ еще съ бо́льшими жертвами. Почти передъ самымъ Рущукомъ лежитъ островъ Мапанъ, имѣвшій выдающееся значеніе въ началѣ войны 1853 г. (въ послѣднихъ числахъ октября).

Съ лѣваго берега было видно, что въ Рущукѣ производятъ работы. Между крѣпостью и фортами безпрерывно двигались подводы и довольно значительныя толпы людей; нерѣдко проходили и небольшія войсковыя команды, легко распознаваемыя по блеску штыковъ. Рущукъ представлялся грозною крѣпостью.

Совершенно иное впечатлѣніе производилъ видъ Туртукая. Тутъ видна запустѣлость: обвалившіеся валы небольшой крѣпости и отсутствіе движенія. Только изрѣдка протащится арба, да пройдетъ пѣшеходъ; кругомъ скучная ровная мѣстность. Но и эта скромная крѣпостца играла не маловажную роль въ нашихъ войнахъ съ Турціею. Не говоря о дѣйствіяхъ противъ нея Суворова (1773 г.) и генерала Засса (1810 г.), въ кампанію 1853 г. противъ Туртукая, на лѣвомъ берегу, у укрѣпленнаго турками каменнаго карантина, произошло жаркое дѣло, кончившееся неудачно, потому что, когда турки, подъ натискомъ нашихъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, начали было переправляться обратно въ Туртукай, а наши пошли въ атаку, генералъ Данненбергъ приказалъ прекратить штурмъ и отойти назадъ.

Впереди карантина, лежащаго на самомъ берегу рѣки,

еще были видны слѣды турецкихъ укрѣпленій, а на могилѣ, гдѣ погребены павшіе подъ Ольтеницею (около 240 чел. офицеровъ и нижнихъ чиновъ), по подпискѣ офицеровъ, поставленъ мраморный памятникъ.

Силистрія имѣла такой же грозный видъ, какъ и Рущукъ, но движеніе вокругъ крѣпости было значительно меньше. Впрочемъ по свойству мѣстности и расположенію укрѣпленій, осмотръ Силистріи, съ лѣваго берега рѣки, былъ гораздо труднѣе, особенно при небольшой вьюгѣ, бывшей въ тѣ два дня, въ теченіе которыхъ я находился въ Каларашѣ.

То, что можно было заключить о Рущукѣ, Туртукаѣ и Силистріи, по обзору ихъ съ лѣваго берега, подтверждали и агенты Евлогія, знавшіе многія подробности отъ мѣстныхъ жителей, бывающихъ въ названныхъ крѣпостяхъ по своимъ торговымъ дѣламъ.

Уже при отъѣздѣ изъ Калараша я заѣхалъ на русское кладбище, взглянуть на этотъ, такъ сказать, мертвый русскій городъ. Достаточно припомнить, что русскія войска шесть разъ осаждали Силистрію [1]), чтобы представить себѣ, какое пространство занимаетъ мѣсто вѣчнаго упокоенія нашихъ воиновъ. Грустное зрѣлище представляетъ это кладбище: небольшіе, почти сравнявшіеся съ горизонтомъ, холмики могилъ покрываютъ всю мѣстность; кое-гдѣ наклонившіеся, сгнившіе могильные кресты да нѣсколько надгробныхъ камней и памятниковъ. Вотъ и все, что осталось отъ десятковъ тысячъ героевъ, участвовавшихъ въ шести осадахъ Силистріи.

Всѣ добытыя мною свѣдѣнія, по возвращеніи въ Кишиневъ, были доложены генералу Левицкому и Деппу.

На обратномъ пути я встрѣтилъ на станціи Унгени генерала Рауха и полковника Струкова, присланныхъ главно-

---

[1]) Въ 1775, 1809, 1810, 1828, 1829 и 1854 годахъ.

командующимъ для встрѣчи Донъ Карлоса, безсмѣннаго претендента на испанскій престолъ.

Донъ Карлосъ долженъ былъ прибыть изъ Букареста съ экстреннымъ поѣздомъ. Генералъ Раухъ предложилъ мнѣ, чтобы не ожидать цѣлый день поѣзда, идущаго по расписанію, ѣхать на экстренномъ, приготовленномъ для Донъ Карлоса.

На слѣдующій день войска, расположенныя въ Кишиневѣ, были вызваны по тревогѣ и прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ Донъ Карлосомъ. По случаю нездоровья Великаго Князя, войска представлялъ генералъ Непокойчицкій.

Наступилъ 1877 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ и тяжелое для насъ положеніе. Его Высочество главнокомандующій тяжко занемогъ. Пользовать его прибыли доктора Боткинъ и Пироговъ.

Въ полевомъ штабѣ, вѣроятно, шла дѣятельная работа; но такихъ распоряженій, которыя служили бы предвѣстникомъ скораго выступленія въ походъ, не было.

Въ международной политикѣ, должно быть, происходили какія-то колебанія. Одинъ день по Кишиневу разносилась вѣсть, что на дняхъ война будетъ объявлена; на другой— проносился слухъ, что на дняхъ пойдемъ по домамъ.

Кишиневъ, переполненный наѣхавшимъ людомъ, между тѣмъ, веселился: балы, собранія въ семействахъ, театръ, смѣнялись одно другимъ; въ посѣтителяхъ и въ желающихъ убить время недостатка не было. Но, кто не принималъ участія въ разныхъ развлеченіяхъ, тому приходилось жутко.

Выходя изъ квартиры, въ хорошую погоду, какъ говорится, пошляться, почти каждый разъ я встрѣчалъ генерала А. К. Рихтера, съ которымъ былъ знакомъ раньше, и отъ него иногда узнавалъ болѣе или менѣе важныя новости, впрочемъ, часто невѣрныя.

Такъ тоскливо и однообразно тянулось время до апрѣля мѣсяца.

Нѣсколько раньше, когда уже настала весна и Его Высочество настолько поправился, что могъ выѣзжать, былъ назначенъ смотръ кавалерійскимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, обученнымъ телеграфному дѣлу и подрывнымъ работамъ. Мѣстомъ смотра была избрана желѣзнодорожная станція въ Кишиневѣ.

Полевой интендантъ пожелалъ къ этому смотру пріурочить показъ доставленныхъ для дѣйствующей арміи рутьеровъ.

Погода была прекрасная и присутствовать на смотру съѣхалось множество генераловъ и лицъ въ меньшихъ чинахъ.

Кавалеристы разрушали и возстанавливали телеграфную линію; подвязывали динамитные патроны къ рельсамъ и другимъ предметамъ. Потомъ всѣ присутствовавшіе отправились смотрѣть рутьеры. Изъ ихъ трубъ дымъ валилъ столбомъ. Когда подошелъ главнокомандующій, послѣдовало приказаніе, чтобы рутьеры показали свою прытость. Они начали пыхтѣть и сопѣть, но съ мѣста не могли сдвинуться; напрягали они свои усилія нѣсколько разъ, но постоянно получался тотъ же результатъ.

Кто-то изъ присутствующихъ довольно громко замѣтилъ, что этотъ опытъ повелетъ къ новому изданію словаря Рейфа, такъ какъ слово routière надо переводить „турусы на колесахъ“.

Какой-то грекъ, жившій въ Скулянахъ, явился съ предложеніемъ, что онъ устроитъ на Прутѣ, у Скулянъ, мостъ для переправы войскъ, и просилъ, чтобы за это ему пожаловали орденъ. Генералъ Деппъ поручилъ мнѣ поѣхать въ Скуляны удостовѣриться, можно ли положиться на такое предложеніе. Въ Скулянахъ стоялъ Лубенскій гусарскій

полкъ и штабъ 2-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи. Я поѣхалъ туда съ командиромъ названнаго полка полковникомъ Бороздинымъ. По случаю поздняго пріѣзда осмотръ матеріаловъ для предложеннаго грекомъ моста былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

На обѣдѣ у полковника Бороздина былъ командиръ 2-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи генералъ-маіоръ Леоновъ и нѣсколько офицеровъ Лубенскаго гусарскаго полка.

За обѣдомъ, естественно, разговоръ шелъ о томъ, что быть или не быть войнѣ. Потомъ рѣчь коснулась и обоза, который долженъ былъ тянуться за войсками.

Зная о цѣли моей командировки и рѣшивъ, что завтра рано утромъ мы всѣ трое поѣдемъ провѣрять предложеніе грека, Леоновъ обратился ко мнѣ шутя:

— Но пожалуйста, полковникъ, пусть онъ намъ устроитъ такой мостъ, на которомъ, по переходѣ полковъ, обозъ провалился бы и мы избавились бы отъ него.

Грекъ предъявилъ намъ двѣ, три небольшихъ лодки и нѣсколько жердей, которыми хотѣлъ замѣнить бревна; такъ какъ эти средства не соотвѣтствовали цѣли, то являлось подозрѣніе, что грекъ имѣлъ какія-то, никому неизвѣстныя цѣли, можетъ быть даже задержать переправу, хотя бы на короткое время.

Однако моя поѣздка въ Скуляны не осталась безъ результата. Тамъ нашлось два довольно большихъ парома и нѣсколько лодокъ, могущихъ поднимать 10—15 человѣкъ каждая. Тѣ и другія могли служить хорошими плавучими устоями для моста и если бы нельзя было получить бревенъ и досокъ, то для замѣны ихъ можно было бы разобрать двѣ три нежилыхъ постройки. Объ этой находкѣ я сообщилъ Деппу.

На другой день по возвращеніи изъ Скулянъ меня по-

требовалъ къ себѣ генералъ Непокойчицкій. Отъ него я узналъ, что Его Высочество избралъ меня для командировки въ Румынію къ князю Карлу, въ распоряженіи котораго я долженъ былъ оставаться до особаго приказанія. Мнѣ также поручено было доставить князю Карлу письмо отъ главнокомандующаго, которымъ извѣщалось о присылкѣ румынскому правительству безвозмездно: 20 осадныхъ орудій со снарядами и порохомъ, нѣсколько сотенъ лошадей для артиллерійскихъ запряжекъ и для кавалеріи и нѣсколько десятковъ тысячъ ружей съ патронами. Послѣдующія распоряженія князя Карла позволяютъ мнѣ полагать, что въ письмѣ къ князю было сказано, что Его Высочество посылаетъ лично ему извѣстнаго инженернаго штабъ-офицера, содѣйствіе котораго, при укрѣпленіи разныхъ пунктовъ, будетъ полезно, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

3 апрѣля я выѣхалъ изъ Кишинева. Поѣздъ и въ этотъ разъ подошелъ къ ст. Унгени, когда румынскій паровозъ уже пыхтѣлъ, увозя пустые вагоны. Въ одинаковомъ со мною положеніи оказались два молодыхъ путейца. Одного изъ нихъ, Глазенапа, я немного зналъ, встрѣчая въ Кишиневѣ. Стоя на платформѣ, мы разсуждали о способѣ добыть извозчика, который доставилъ бы насъ въ Яссы въ тотъ же день. Мимо насъ нѣсколько разъ прошелъ какой-то прилично одѣтый господинъ. Вѣроятно слышавъ нашъ разговоръ объ извозчикѣ, господинъ рѣшительно подошелъ къ намъ.

— Вы, господа, кажется желаете ѣхать въ Яссы. Для меня скоро прибудетъ экстренный поѣздъ и я могу довести васъ безъ всякихъ хлопотъ.

— Очень вамъ благодарны, но мы не можемъ взять на себя трехъ четвертей платы за экстренный поѣздъ, былъ отвѣтъ.

— О, нѣтъ, вамъ ничего платить не придется.

— А на такомъ условіи мы ѣхать съ вами не желаемъ.

— Да что вы, господа; вѣдь я ѣду не одинъ; со мной болѣе 30 человѣкъ моихъ служащихъ, въ поѣздѣ будетъ три вагона, и если и вы поѣдете, то для меня это не составитъ никакого расхода.

Послѣ непродолжительнаго торга условились. что мы заплатимъ по тарифу, за три мѣста въ вагонѣ I-го класса.

Поѣздъ былъ поданъ, обязательный господинъ усадилъ насъ въ отдѣленіе. которое самъ занималъ, и мы поѣхали. Послѣ короткаго, ничего не значащаго разговора, господинъ сказалъ многозначительно:

— Ну, гашпада, скоро будетъ война.

Мы недоумѣвали: откуда такое пророчество.

— Конечно, былъ отвѣтъ. война по всему вѣроятію будетъ, но скоро или не скоро, это едва ли кому извѣстно.

— Говорю вамъ, что скоро.

Для доказательства, что для него не можетъ быть тайнъ, онъ отрекомендовался, что состоитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ повѣреннымъ у Когана, Горвица и прочихъ товарищей; что онъ ѣдетъ въ Румынію заготовить къ 10 апрѣля продовольствіе и фуражъ для нашихъ войскъ, на пунктахъ, поименованныхъ въ спискѣ, который онъ и показалъ намъ, вынувъ этотъ списокъ изъ кармана своего сюртука.

Потомъ обязательный господинъ просилъ насъ остановиться въ одной съ нимъ гостиницѣ и пожаловать къ нему на чай. Но умыселъ другой тутъ былъ. Не успѣли выпить по стакану чая, какъ хозяинъ попросилъ насъ показать на картѣ тѣ пункты, которые были назначены въ упомянутомъ выше спискѣ. Оказалось, что „гашпадинъ“ карту хотя и имѣлъ, но совершенно ее не понималъ.

Я прибылъ въ Букарестъ 5 апрѣля, а письмо главнокомандующаго было вручено князю Карлу генеральнымъ консуломъ 6-го. Въ тотъ же день вечеромъ я былъ пригла-

шелъ въ отдѣльную комнату (въ Grand Hôtel de Boulevard, гдѣ я жилъ) на свиданіе съ румынскимъ военнымъ министромъ генераломъ Черпатомъ и съ полковникомъ Черкесомъ, командовавшимъ бригадою пѣхоты, находившеюся въ Калафатѣ. Въ то время румыны укрѣпляли Калафатъ, и Черпатъ просилъ меня отправиться туда немедленно, на слѣдующее же утро съ полковникомъ Черкесомъ для осмотра Калафатскихъ укрѣпленій.

— Il faut vous prévenir, mon colonel, сказалъ полковникъ Черкесъ, que notre pays est plein d'espions turcs; поэтому, во время пути по желѣзной дорогѣ, до Краіово, прошу васъ не показывайте и вида, что мы знакомы, autrement nous aurons de très mauvaises conséquences.

Часовъ въ 7 утра 7 апрѣля, по желѣзной дорогѣ выѣхали въ Краіово. Во все время пути я не подходилъ къ Черкесу, хотя и нужно было узнать отъ него, куда мнѣ направиться по прибытіи въ Краіово, до отъѣзда въ Калафатъ. Едва остановился поѣздъ, мой Черкесъ быстро выбѣжалъ на крыльцо, сѣлъ въ экипажъ и исчезъ, а я остался на крыльцѣ, не зная, куда должно отправиться, чтобы продолжать путь. Вокругъ меня народъ суетился, таща узлы и чемоданы; обратиться за справками было не къ кому. Съ отчаянія я сѣлъ въ извозчичій экипажъ и крикнулъ la Hotelu. Извозчикъ привезъ меня, изнемогающаго отъ голода, въ какую-то румынскую харчевню. Мои свѣдѣнія въ румынскомъ языкѣ были очень ограниченныя, я зналъ: draci—чортъ, druma—дорога, birja—извозчикъ, nu sti—не понимаю и еще два три слова въ томъ же родѣ. Съ помощью этого немногочисленнаго словаря и слѣдуя примѣру лейтенанта Балтазара Балтазаровича Жевакина, легко разговаривавшаго съ итальянцами, я тщетно пытался объяснить хозяину харчевни, что хочу ѣсть, и только при посредствѣ случайнаго

посѣтителя получилъ въ отвѣтъ, что все давно съѣдено и раньше 8 часовъ вечера ничего получить нельзя.

Зная, что до Калафата предстояло ѣхать въ почтовой каретѣ, я снова взобрался на извозчика и крикнулъ: La posta, т. е. на почту.

Пріѣхалъ. Вхожу въ контору и спрашиваю билетъ на проѣздъ до Калафата. Директоръ почты, къ счастью говорившій по-французски, отвѣтилъ, что сегодня въ Калафатъ карета не пойдетъ.

— А мнѣ достовѣрно извѣстно, что пойдетъ, сказалъ я.

— Да, но поѣдетъ одно высокопоставленное лицо и посторонннихъ пассажировъ брать не приказано

— Дайте мнѣ мѣсто хотя на козлахъ; ваше высокопоставленное лицо ничего противъ этого имѣть не будетъ.

— Не могу.

О, draci, подумалъ я и усѣлся на стоявшую въ конторѣ скамью, положивъ рядомъ мой ручной чемоданъ. Буду ждать.

Черезъ нѣсколько минутъ директоръ снова появился и, подойдя ко мнѣ, заявилъ:

— Милостивый государь, здѣсь помѣщается правительственное учрежденіе и постороннія лица здѣсь оставаться не могутъ; да и напрасно ожидаете —высокопоставленное лицо не возьметъ васъ съ собою.

Очевидно директоръ видѣлъ во мнѣ турецкаго шпіона.

Посылаю ему въ умѣ второго draci, беру свой чемоданъ и выхожу на крыльцо, думая, что здѣсь меня не будутъ тревожить.

По улицѣ шла рота румынскихъ солдатъ: на ногахъ кожаные лапти, на головахъ огромныя, бараньяго мѣха шапки; за кокарды заткнуты индюшечья перья. Рота остановилась на улицѣ и составила ружья, а капитанъ, съ кустообразными усами, вошелъ въ почтовую контору.

Мучимый голодомъ, я продолжалъ сидѣть на крыльцѣ, посылая Черкесу тысячу проклятій.

Спустя немного времени появился усатый капитанъ съ папиросою величиною въ сосиску, какія бываютъ только въ Вюрцбургѣ. Онъ усѣлся противъ меня и внимательно разсматривалъ. Я заподозрилъ, что капитанъ присланъ директоромъ на рекогносцировку.

— Monsieur est en voyage? спросилъ меня капитанъ.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, капитанъ освѣдомился куда и зачѣмъ я ѣду. Тогда для развлеченія, я сталъ выдавать себя за виноторговца, желающаго завести обширную торговлю румынскими, сербскими и турецкими винами. Капитанъ недовѣрчиво слушалъ мой разсказъ.

— А вы, капитанъ, куда идете, на войну? Вѣдь, говорятъ, Румынія объявляетъ войну Турціи?

— Ah! Il faut que nous nous battions avec ces cochons de Turcs. On verra, parbleu, quelle fameuse raclée nous leur allongerons.

— Bigre, comme vous y allez, capitaine, замѣтилъ я.

— Ah, oui, ils seront joliment battus, продолжалъ капитанъ, выпуская изъ ноздрей и рта тучи табачнаго дыма и стараясь изобразить изъ себя отчаяннаго рубаку.

Послѣ этого взглянувъ на меня довольно пренебрежительно, онъ ушелъ, а вмѣсто него появился директоръ, который сталъ доказывать, что не можетъ дозволить мнѣ оставаться даже и на крыльцѣ правительственнаго учрежденія.

На мое счастье въ это время во дворъ въѣхалъ экипажъ съ двумя румынскими молодыми офицерами; они были одѣты въ мундиры коричневаго цвѣта, по покрою похожіе на наши прежніе уланскіе мундиры. Послѣ я узналъ, что это были артиллеристы. Я направился къ нимъ, далъ свою карточку, разсказалъ о вѣжливости г. Черкеса и попросилъ

указать мнѣ, гдѣ можно отыскать въ данное время это высокопоставленное лицо. Офицеры оказались очень приличными молодыми людьми: они уступили мнѣ своего извозчика и объяснили, куда онъ долженъ меня доставить. Проѣхавъ черезъ весь почти городъ, извозчикъ остановился у квартиры Черкеса. Долго пришлось звонить, пока появилась служанка. Я далъ ей мою карточку для врученія domnu colonelu. Этотъ domnu оказался невѣжею большой руки: онъ выслалъ свою служанку сказать, что онъ обѣдаетъ. Я почти силою вошелъ въ комнату. На шумъ моихъ шаговъ Черкесъ вышелъ въ залу и былъ принужденъ выслушать, что я удивленъ его поведеніемъ относительно меня; что вмѣсто Калафата, я поѣду въ Букарестъ и напишу нашему главнокомандующему, какъ румыны обходятся съ посылаемыми имъ офицерами. Черкесъ сталъ извиняться и вручилъ мнѣ свою карточку для почтоваго директора; на ней было написано что-то по-румынски.

Возвратясь на почту, почти съ торжествующимъ видомъ я отдалъ директору карточку Черкеса и мою; получилъ билетъ и, узнавъ, что почтовая карета отправится въ 7 час. вечера, усѣлся опять на крыльцѣ. До отъѣзда оставалось еще два часа.

Сидя на крыльцѣ, я услышалъ поспѣшные шаги въ прихожей, которая была за моею спиной; было понятно, что идетъ какая-то суматоха; ходили отъ одной двери къ другой, слышался и шелестъ женскаго шелковаго платья. Draci, подумалъ я, а поѣсть въ теченіе цѣлаго дня все-таки не удалось. Я былъ голоденъ, какъ говорится, à manger de la terre.

Ходьба по прихожей прекратилась и появился на крыльцѣ директоръ съ предложеніемъ войти въ его квартиру, прибавивъ, что тамъ мнѣ будетъ удобнѣе. Я охотно согласился, разсчитывая, что предложатъ хотя рюмку вина. Вошли.

Не успѣлъ я поблагодарить за приглашеніе, какъ изъ другой двери вошла приnаряженная сосòнâ—супруга директора. Ну, думаю, вино навѣрное предложатъ. Почти въ одно мгновеніе съ этой мыслью въ дверяхъ появилась служанка съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ свѣжею водой, а на блюдечкѣ ложечка варенья: румынское неизбѣжное угощеніе во всякое время дня и ночи.

Мой желудокъ былъ такъ пустъ, что я былъ радъ, хотя что-нибудь вложить въ него. Вскорѣ опять появилась служанка, опять съ подносомъ, но на немъ стояла уже не вода съ вареньемъ, а маленькая чашка съ coĭca turcésca. Хотя ни тѣмъ, ни другимъ нельзя было насытиться, но все же немного лучше, чѣмъ ничего.

Наконецъ, насталъ часъ отъѣзда. Простясь съ директоромъ и его развязной супругой, я отправился. По дорогѣ карета остановилась, чтобы взять высокопоставленнаго Черкеса. Онъ извинялся, что по случаю множества дѣлъ по приготовленію къ военному походу, нѣсколько запоздалъ. Я по возможности отмалчивался и, утомленный безтолково проведеннымъ днемъ, а особенно голодомъ, скоро заснулъ. Въ Калафатъ мы пріѣхали около 3-хъ часовъ ночи. Черкесъ вышелъ изъ кареты и сталъ со мной прощаться.

— Нѣтъ, позвольте, полковникъ, не хотите ли вы опять оставить меня среди улицы? Вы прежде пошлите кого знаете указать мнѣ гостиницу, гдѣ я могъ бы переночевать и поужинать; а, затѣмъ, слѣдуетъ условиться, что мы будемъ осматривать утромъ, и также распорядитесь, чтобы въ извѣстное время для меня была верховая лошадь. Извините, полковникъ, но такъ дѣлается всюду и всюду иностранцамъ оказывается должное вниманіе. Я къ вамъ пріѣхалъ не по собственному желанію, а по распоряженію Великаго Князя Николая и по просьбѣ вашего князя Карла, и потому имѣю право требовать внимательнаго ко мнѣ отношенія.

„Ah, pardon mon colonel, mais c'est que j'ai énormément sommeil".

— Mais moi, je vous prie d'abord faire ce que je demande et vous dormirez après.

„Ah, oui monsieur le colonel, à l'instant. Petrescu!" позвалъ онъ какого-то dracu и заговорилъ съ нимъ по-румынски.

Поѣхали. Мы, съ Petrescu, побывали въ трехъ калафатскихъ гостиницахъ и ни въ одной не нашли свободной комнаты. Petrescu стоялъ предо мной розиня ротъ и опустивъ руки, недоумѣвая, что дѣлать дальше. Нужно было такъ или иначе покончить съ этимъ глупымъ положеніемъ. Глядя пристально на Petrescu, я съ крикомъ обругалъ его по-русски и показалъ нѣсколько франковъ.

— Sti, сказалъ Petrescu, приподнялъ шапку, посадилъ меня въ карету и повезъ въ какой-то частный домъ, гдѣ и помѣстили меня въ вышкѣ, съ окнами на всѣ четыре стороны.

Опрятная постель стояла въ углу этого фонаря, который слѣдовало принять за комнату; но я хотѣлъ больше ѣсть, нежели спать. Вступилъ въ переговоры со служанкой; сказалъ ей всѣ румынскія слова, какія только зналъ, дополняя ихъ жестами и мимикой, изъ которыхъ всякій, кромѣ румына и особенно румынки, понялъ бы, что я хочу ѣсть. Но на всю мою гимнастику глупая румынка отвѣчала: Nu sti.

— Dracu, крикнулъ я на румынку во все горло, cafea turcésca.

Румынка опрометью скатилась съ лѣстницы и немного спустя принесла чашку кофе по-турецки. Я снова попытался объяснить, что хочу ѣсть; даже нарисовалъ, на клочкѣ бумаги, булку, курицу, свинью и барана; но кромѣ nu sti ничего не добился. Пришлось снова закричать cafea tur-

césca. Такимъ образомъ я выпилъ 3—4 чашки кофе и легъ спать.

8 (20) апрѣля румыны празднуютъ день ли рожденія князя Карла или другой національный праздникъ, не знаю; но 8 апрѣля, въ Калафатѣ, по случаю этого торжества былъ церковный парадъ; поэтому осмотръ укрѣпленій былъ отложенъ до окончанія парада. Домъ, въ которомъ меня помѣстили, находился очень недалеко отъ церкви. Я покойно, все еще голодный, пилъ кофе по-турецки, когда румынскія войска, подъ музыку, проходили въ церковь. Потому ли, что я былъ очень озлобленъ на высокопоставленнаго Черкеса, или потому, что я все еще былъ голоденъ, но, видя черезъ окно, какъ проходила armata rumanésca, я принялъ ее за карабинеровъ изъ оперетки „Les Brigands", которые по несчастному случаю приходили куда нужно „toujours trop tard".

Послѣ парада Черкесъ пригласилъ меня къ завтраку, и уже затѣмъ мы отправились осматривать укрѣпленія. Завтракъ былъ румынскій, т. е. было много овощей и очень мало вкуса. Пока пришло время завтрака у Черкеса и поѣздки на укрѣпленія съ высокаго берега Калафата, я разсматривалъ Видднпъ, эту дѣвственницу турецкихъ крѣпостей, и лагерь расположенныхъ вокругъ нея войскъ Османа-паши; численность ихъ, судя по видимому числу палатокъ, могла простираться до 30—35 тысячъ. О румынскихъ укрѣпленіяхъ трудно сказать что-либо опредѣленное: все было сдѣлано по правиламъ фортификаціи, но при весьма слабомъ примѣненіи къ мѣстности; былъ, напримѣръ, пороховой погребъ, входъ въ который обращенъ почти въ поле и т. п.

Вечеромъ того же дня я уѣхалъ обратно въ Краіово и около полудня 9 апрѣля былъ уже въ Букарестѣ.

О моемъ возвращеніи было, вѣроятно, извѣстно въ тотъ же день, потому что утромъ 10-го числа я уже получилъ

приглашеніе отъ двора князя Карла, быть у Maria-sa [1]) въ 1 часъ пополудни 11 апрѣля.

Къ князю Карлу слѣдовало явиться во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и со складной шляпой. Покупать всѣ эти вещи, впослѣдствіи мнѣ совершенно ненужныя, было неразсчетливо; поэтому, у барона Стуарта послѣ обѣда, началась пригонка штатскаго обмундированія. Фракъ пришелся съ секретаря Казариновa, жилетъ съ самого Стуарта, сорочка съ вычурною грудью съ Паренсова, складная шляпа съ путейскаго инженера Измайлова; бѣлый галстукъ и перчатки пріобрѣтены покупкою. Такимъ образомъ я былъ снаряженъ.

11-го числа, выбритый и припомаженный, минутъ за 10 до назначеннаго времени, я подъѣхалъ къ крыльцу княжескаго дворца. Лакей, принявшій отъ меня пальто и карточку, просилъ войти въ комнату дежурнаго при князѣ адъютанта. Немедленно появились чашки кофе и папиросы. Разговаривая, адъютантъ поминутно посматривалъ на часы, потомъ расшаркался, извинился и исчезъ. Онъ скоро вернулся и пригласилъ пожаловать въ кабинетъ князя. Я поднимался въ бельэтажъ по широкой лѣстницѣ, покрытой краснымъ ковромъ; на каждой площадкѣ и у дверей кабинета стояли лакеи. Я очутился въ большой, довольно вычурно обставленной комнатѣ; пока я разсматривалъ ее, часы, стоявшіе на каминѣ, пробили 1 часъ и въ тотъ же моментъ противоположная дверь распахнулась и вошелъ небольшого роста, худощавый брюнетъ, съ тщательно причесанной бородой, это былъ румынскій князь Карлъ.

Князь Карлъ чрезвычайно вѣжливъ и обходителенъ. Войдя въ кабинетъ, онъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и пригласилъ къ столу, на которомъ была разложена карта;

---

[1]) Grandeur.

онъ пожелалъ узнать мое мнѣніе о калафатскихъ укрѣпленіяхъ. Я не счелъ умѣстнымъ говорить о замѣченныхъ недостаткахъ, впрочемъ не очень большихъ; а только предложилъ поставить еще небольшую батарею, мѣсто для которой и указалъ на картѣ. Князь на это согласился.

Затѣмъ зашла рѣчь о возможности перехода турокъ изъ Видина на лѣвый берегъ. На это я доложилъ, что ежели войска Его Высочества будутъ находиться только за калафатскими укрѣпленіями, то турки, безпрепятственно перейдя на лѣвый берегъ, выше или ниже Калафата, обложатъ его; для отраженія же отряда, который будетъ посланъ на выручку гарнизона, турки выставятъ заслонъ и тогда можетъ получиться весьма неблагопріятный результатъ. У деревни Четати теченіе Дуная, сдѣлавъ крутой поворотъ на юго-западъ и описавъ почти правильный полукругъ, снова принимаетъ направленіе на востокъ, къ Рахову. Почти въ центрѣ этого полукруга лежитъ село Пояна. Отъ этого селенія до Четати и до того мѣста, гдѣ Дунай снова поворачиваетъ на востокъ, а равно и до прочихъ пунктовъ Дуная, лежащихъ на вышеописанномъ полукругѣ, почти одинаковое разстояніе, и Пояна, слѣдовательно, находится въ центрѣ его. Это разстояніе составляетъ около 12—15 верстъ. Поэтому, продолжалъ я докладывать князю, не благоугодно ли Его Высочеству одобрить такой планъ обороны: оставя въ Калафатѣ лишь крайне необходимое количество войскъ, остальную и наибольшую часть гарнизона, съ нѣсколькими полевыми орудіями, поставить у сел. Пояны и наблюдать за Дунаемъ ниже Калафата дѣятельными кавалерійскими разъѣздами; для наблюденія же за рѣкой выше Четати держать тамъ 1—2 роты, взводъ кавалеріи, для разъѣздовъ, и 2 полевыхъ орудія. При такомъ расположеніи и хорошей службѣ, внезапный переходъ турокъ на лѣвый берегъ будетъ невозможенъ; во всякомъ же случаѣ онъ не совершится, не встрѣчая

сопротивленія. Если бы турки рѣшились переправляться выше Калафата, то къ ротамъ, находящимся въ Чстати, можно будетъ прибавить, сколько потребуется, изъ Калафата.

Раздѣляя это мнѣніе, князь сказалъ, что передастъ его своему военному министру. На этомъ кончилась моя аудіенція.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что румыны не могли безотлагательно приступить къ исполненію какого бы то ни было предположенія объ оборонѣ Калафата, потому что тамъ не было достаточнаго количества войскъ. Еще 8-го и 9-го числа туда тянулись роты отдѣльными колоннами. Въ числѣ ихъ, надо полагать, былъ и мой знакомый усатый капитанъ съ огромными папиросами, о которомъ я уже вспоминалъ.

Утромъ 12 апрѣля въ Букарестѣ была получена телеграмма съ извѣстіемъ, что война Турціи объявлена. Эта вѣсть моментально облетѣла весь городъ. Толпы любопытныхъ наполняли улицу передъ домомъ нашего генеральнаго консульства. Послѣ полудня получилось новое извѣстіе, что наши войска перешли границу и вступили въ предѣлы Румыніи. Масса всякаго люда толпилась на улицахъ, постоянно увеличиваясь, а около нашего консульства съ трудомъ можно было пробраться сквозь толпу. Всюду на всякіе лады повторялось слово „resbelu“. т. е. война.

Извѣстіе объ объявленіи войны было только неожиданностью ; но когда узнали, что въ тотъ же день наши войска уже перешли границу, то всѣ были поражены такою быстротой, такъ какъ въ Румыніи никому не была извѣстна степень готовности нашей арміи къ началію кампаніи.

Надо признаться, что въ то время положеніе Румыніи было не изъ пріятныхъ.

Участіе Румыніи для насъ нужно было для того, чтобы она, до прибытія нашихъ войскъ къ Дунаю, не дозволила

туркамъ перейти на лѣвый берегъ и завладѣть или разрушить желѣзную дорогу отъ Рени до Браилова и чтобы турки не утвердились, по примѣру прошлыхъ войнъ, въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ (Рени, Браиловъ, Каларашъ, Ольтеница, Журжа и пѣк. др.) на лѣвомъ берегу. Рѣшась на это, Румынія становилась во враждебныя отношенія къ своему сюзерену и, конечно, опасалась, что въ случаѣ неудачной для насъ войны ей придется разсчитываться съ Турціей самостоятельно и дорого заплатить за оказанную намъ поддержку. Поэтому румынское правительство тянуло переговоры о соглашеніи и ничего не дѣлало для подготовки своихъ войскъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣсто того, чтобы, по объявленіи войны, занять своими войсками линію желѣзной дороги отъ Рени до Браилова и другіе пункты, румыны возложили это на свою пограничную стражу; послать же имъ необходимое подкрѣпленіе они не могли, такъ какъ не было готовыхъ, т. е. мобилизованныхъ войскъ.

Однажды, находясь въ служебномъ кабинетѣ бар. Стуарта, изъ сосѣдней комнаты до меня доходилъ разговоръ его съ министромъ Братіано по поводу заключенія конвенціи. Этотъ разговоръ можно резюмировать такъ: Братіано говорилъ, что въ случаѣ удачной войны румынія много выиграла бы, но что заключить конвенцію мѣшаетъ и то, и другое, и третье. Баронъ отвѣчалъ, что опасенія Румынъ не имѣютъ достаточнаго основанія, и всегда кончалъ свою рѣчь, указывая на стоявшіе боченки съ пятью милліонами золотой монеты, приговаривая: вашему правительству нужны деньги? подписывайте конвенцію и берите вотъ эти пять милліоновъ. Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ проходило много дней и когда наконецъ дѣло уладилось, то наши передовыя войска уже находились на Дунаѣ отъ Турнъ-Магурели и до Рени, румыны же потянулись воевать на пространствѣ къ западу отъ р. Ольты.

Румыны почему-то были увѣрены, что турки вторгнутся въ Румынію и разнесутъ ее въ дребезги. Поэтому, со дня объявленія войны, жители Букареста все болѣе и болѣе поддавались страху, который наконецъ превратился въ панику. По всѣмъ улицамъ тащились повозки, нагруженныя разнымъ домашнимъ скарбомъ; женщины и дѣти въ различныхъ экипажахъ стремились, за нагруженными повозками, куда-то за городъ.

Съ самаго дня выступленія нашихъ войскъ въ походъ настала ужасная погода; безостановочный дождь со снѣгомъ, сильный порывистый вѣтеръ и холодъ не прекращались. Это въ значительной степени задерживало переправы черезъ Прутъ и движеніе войскъ къ Дунаю.

Румыны все еще ни на что не рѣшались, такъ что Его Высочество Главнокомандующій счелъ нужнымъ 15 апрѣля послать къ князю Карлу своего адъютанта капитана В. В. Попова за окончательнымъ отвѣтомъ—присоединятся ли къ намъ румыны или нѣтъ.

Князь Карлъ ограничивался неопредѣленными и уклончивыми отвѣтами.

Поэтому 17-го числа Поповъ уѣхалъ очень недовольный, что не могъ исполнить воли Его Высочества. Я попросилъ Попова доставить г. Левицкому и Д. А. Скалону составленныя мною замѣтки о Видинѣ и объ арміи Османа-паши, уже находившейся тамъ. Эти свѣдѣнія я получилъ тоже отъ агентовъ Евлогія Георгіева.

Въ тотъ же день, 17 апрѣля, меня вторично пригласилъ къ себѣ князь Карлъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія онъ не удержался и выразилъ мнѣ свое неудовольствіе, что его не предупредили о днѣ, когда рѣшено было объявить войну. Потомъ князь указалъ нѣкоторыя измѣненія, которыя онъ сдѣлалъ въ доложенномъ мною, шесть дней тому назадъ, предположеніи объ оборонѣ Калафата. Затѣмъ,

предложилъ мнѣ, совмѣстно съ румынскими офицерами, осмотрѣть съ южной стороны окрестности Букареста и составить предположеніе объ оборонѣ румынской столицы на случай набѣга башн-бузуковъ и черкесъ.

Осмотръ окрестностей румынской столицы начался на слѣдующій же день. Въ этомъ принимали участіе, со стороны румынъ, капитанъ Боропеску (инженеръ) и маіоръ Басарабъ (артиллеристъ). Такъ какъ опасность, угрожавшая Букаресту, могла послѣдовать или очень скоро, въ теченіе 2—3 дней, или никогда, то поэтому было предположено неотлагательно, на всѣхъ главныхъ путяхъ, ведущихъ къ столицѣ съ юга, поставить соотвѣтствующей силы отряды пѣхоты съ артиллеріей и устроить для нихъ траншеи и эполементы; по всѣмъ же прочимъ путямъ высылать только кавалерійскіе разъѣзды.

Но имѣвшіяся для сего средства заключались только въ орудіяхъ, хранившихся въ арсеналѣ; ни войскъ для обороны, ни шанцеваго инструмента для работъ не было. Привлеченіе же къ сапернымъ работамъ городскихъ и окрестныхъ жителей было признано румынскими властями совершенно невозможнымъ, потому что одинъ слухъ объ укрѣпленіи Букареста могъ распространить страхъ; всѣ жители моментально бросились бы вонъ изъ города и всякаго рода безпорядкамъ не было бы конца. Такимъ образомъ желаніе защищать столицу отъ покушеній башн-бузуковъ приняло какое-то опереточное окончаніе.

Между тѣмъ, несмотря на задержку перехода черезъ Прутъ, войска наши двигались впередъ.

Вначалѣ, вслѣдствіе непонятной щепетильности, румынское правительство не соглашалось, чтобы русскіе полки проходили черезъ Букарестъ. Для полковъ, прибывающихъ по желѣзной дорогѣ, это было чрезвычайно неудобно. Переходя съ одной дороги на другую, слѣдуя по улицамъ города,

требовалось проходить 3—3½ версты, а обходя же городъ, приходилось дѣлать верстъ 10. Такимъ образомъ обходили Букарестъ ахтырскіе гусары, имѣя во главѣ командира полка и его супругу, ѣхавшую на конѣ въ амазонкѣ коричневаго цвѣта и въ лифѣ, сшитомъ по образцу мундира Ахтырскаго полка. Само собою разумѣется, что любопытныхъ посмотрѣть нашихъ гусаръ собралось на окраинѣ города очень много.

Не удовлетворясь уклончивымъ отвѣтомъ князя Карла, главнокомандующій 20-го числа вторично прислалъ къ нему своего адъютанта капитана Попова. Въ этотъ разъ Попову, при содѣйствіи полковника Бобрикова, кажется, удалось добиться исполненія требованія Его Высочества.

Переходъ черезъ Прутъ предположили совершить у Скулянъ, Унгени, Леово и Рени. У Рени переправа была устроена подполковникомъ Клименко и весь 11-й корпусъ, утромъ 14 апрѣля, перешелъ уже на правый берегъ Прута, безъ всякой задержки.

Переправу у Леово Дернъ поручилъ своему близкому родственнику (дядѣ или племяннику) капитану Галлеру, молодому и не довольно рѣшительному офицеру.

У Леово лѣвый берегъ рѣки очень пологій и при незначительномъ даже повышеніи горизонта воды рѣка разливается на большое пространство. Припомнимъ, что съ 12 апрѣля, въ теченіе нѣсколькихъ дней, шли безостановочно проливные дожди, со снѣгомъ при сильномъ вѣтрѣ и холодѣ; вслѣдствіе этого, вода стала прибывать такъ быстро, что очень скоро ширина Прута у Леово увеличилась на 300 почти саженъ. Нужно было принять рѣшительныя мѣры, тѣмъ болѣе, что передовыя части 14-й пѣхотной дивизіи стали уже подходить къ переправѣ. Тогда капитанъ Галлеръ придумалъ, на бушевавшей рѣкѣ, насыпать земляную гать на протяженіи до 300 саженей. При благопріятной

даже погодѣ такая работа не можетъ подвигаться быстро, а при бурной, конечно, должна идти еще медленнѣе. Эта переправа была готова только къ 25 апрѣля. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль подошли къ переправѣ всѣ части войскъ, которымъ въ этомъ пунктѣ была назначена переправа. Эта задержка была неожиданная и могла имѣть весьма дурныя послѣдствія; движеніе обозовъ замедлилось вслѣдствіе непролазной грязи, и скопившіяся у Леово войска уже начинали чувствовать недостатокъ въ продовольствіи.

У Унгени Прутъ переходили по желѣзнодорожному мосту совершенно безпрепятственно.

Въ Скулянахъ переправа совершилась тоже не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Туда Деппъ послалъ капитана Крюкова.

Нужно замѣтить, что для наводки плавучаго моста на Прутѣ у Скулянъ наиболѣе удобное мѣсто есть то, гдѣ, въ то время, была переправа на паромѣ. Правый берегъ здѣсь хотя и не высокъ (около $1^3/_4$ саж.), но совершенно обрывистъ; поэтому, для выхода на этомъ берегу, сдѣлана врѣзная дорога, которую слѣдовало брать въ расчетъ при опредѣленіи длины моста, на случай прибыли воды въ рѣкѣ. На это обстоятельство, кажется, не было обращено вниманія. Прежде всего тамъ занялись опредѣленіемъ подъемной силы паромовъ и лодокъ, на которые я уже указывалъ. Для этого стали дѣлать подробные чертежи, чтобы по нимъ вычислить подъемную силу. Видя, что въ Скулянахъ дѣло идетъ плохо и даже стоитъ неподвижно, туда послали 6-го сапернаго баталіона поручика Митрофанова, съ командою саперъ; капитанъ же Крюковъ заболѣлъ. Опредѣленіе подъемной силы лодокъ и паромовъ было сдѣлано безо всякаго вычисленія, просто посадкой въ нихъ людей, на что потребовалось очень немного времени. Хотя вслѣдствіе подъема воды ширина рѣки увеличилась, но, благодаря крутымъ берегамъ, это

увеличеніе было незначительное, такъ что къ вечеру 14 апрѣля мостъ у Скулянъ былъ готовъ и 8-я кавалерійская дивизія начала переправу.

Такимъ образомъ, согласно предположенія главнокомандующаго, три колонны войскъ перешли границу почти въ одинъ и тотъ же день; только у Леово переправа запоздала на одиннадцать дней.

Въ Букарестѣ, между тѣмъ, смятеніе горожанъ, возраставшее ежедневно, стало утихать, по мѣрѣ того, какъ наши войска располагались въ разныхъ пунктахъ Румыніи, имѣя передовые отряды на самомъ Дунаѣ.

29 апрѣля было получено извѣстіе, что турецкій бронепосецъ Люфти-Джемель, идя по Дунаю въ близкомъ разстояніи отъ лѣваго берега, подвергся выстрѣламъ береговой батареи у Браилова.

Одинъ орудійный выстрѣлъ былъ такъ удачно направленъ офицеромъ 7-го сапернаго баталіона Романовымъ, что на бронепосцѣ послѣдовалъ взрывъ и судно пошло ко дну.

Въ тотъ же или на слѣдующій день пріѣхалъ въ Букарестъ полковникъ Д. С. Нагловскій и разсказалъ нѣкоторыя подробности о Высочайшемъ смотрѣ войскъ подъ Кишиневомъ, объ объявленіи войны и о выступленіи въ походъ.

Случайно собравшись въ ресторанѣ, мы отпраздновали гибель Люфти-Джемеля бутылкою шампанскаго.

Уже было сказано, что еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1876 г. генералъ Деппъ посылалъ въ Румынію капитановъ Кирпичева и Битнера на изысканія, гдѣ можно было бы пріобрѣсть бревна и доски для плотового моста. Эти офицеры нашли заводъ какого-то лѣсопромышленника, въ отрогахъ Карпатскихъ горъ у самаго верховья р. Ольты, вливающейся въ Дунай немного западнѣе Турнъ-Магурели, противъ Нико-

поля. На тѣхъ же офицеровъ была возложена заготовка названныхъ матеріаловъ, а равно и постройка, на заводѣ, ста деревянныхъ понтоновъ. Кирпичевъ и Битперъ отправились исполнять это порученіе во второй половинѣ марта мѣсяца.

Въ описываемое время, т. е. въ послѣднихъ числахъ апрѣля, я случайно встрѣтилъ въ Букарестѣ капитана Битпера и сталъ разспрашивать, успѣшно ли идетъ дѣло по заготовленію матеріаловъ для плотового моста.

Главнокомандующій и съ нимъ вся главная квартира прибыли въ Плоэшти. Вмѣстѣ съ этимъ баронъ Стуартъ получилъ увѣдомленіе, что Его Высочество прибудетъ 2 мая въ Букарестъ и, побывавъ съ визитомъ у князя Карла, зайдетъ въ наше консульство, куда приказалъ собраться всѣмъ русскимъ офицерамъ, находящимся въ Букарестѣ по разнымъ порученіямъ. Его Высочество принялъ насъ очень милостиво, поблагодарилъ за дѣятельность нашу, подсмѣялся, что многіе изъ насъ, въ штатскомъ платьѣ, имѣютъ непрезентабельный видъ, и въ скоромъ времени отправился обратно въ Плоэшти.

В. В. Поповъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что Деппъ желаетъ, чтобы я немедленно пріѣхалъ къ нему въ Плоэшти. Я просилъ Попова испросить на это согласіе Великаго Князя, такъ какъ данное имъ порученіе еще лежало на мнѣ Согласіе конечно послѣдовало и 3 мая, съ утреннимъ поѣздомъ, я уѣхалъ въ Плоэшти.

Городъ представлялъ изъ себя огромный бивакъ. Около каждаго дома, въ каждомъ уголкѣ, видѣлся солдатъ: одинъ чистилъ офицерское платье, другой сѣдлалъ лошадь, иной копошился около повозки. Какой-то крупный маркитантъ завладѣлъ сараемъ, устроился и выставилъ на сараѣ флагъ.

Отыскать Деппа было не легко, тѣмъ болѣе, что въ штатскомъ платьѣ я нигдѣ не находилъ свободнаго доступа.

Долго я ѣздилъ отъ одного дома къ другому, пока не попался денщикъ, въ форменномъ сюртукѣ съ бархатнымъ воротникомъ.

— Стой, крикнулъ я, ты денщикъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Почему ты знаешь, что я „высокоблагородіе“?

— Да, какъ не знать; вы не разъ бывали у генерала.

— У какого генерала?

— У генерала Левицкаго.

— Генералъ дома?

— Никакъ нѣтъ; они пошли къ Его Высочеству.

Генеральскій денщикъ отыскалъ штабного писаря, знавшаго квартиру Деппа, который и проводилъ меня туда.

Деппъ былъ очень взволнованъ.

— Что съ вами? Что случилось?

— Къ 12 іюня нуженъ плотовой мостъ, а я еще не знаю, заготовленъ ли для него матеріалъ.

— Мостъ нуженъ во что бы то ни стало, продолжалъ Деппъ. Устройте мостъ и я вамъ доставлю самую высшую награду.

— О наградѣ будете говорить потомъ, а теперь нужно знать, изъ чего этотъ мостъ можно построить.

— Изъ чего хотите, но постройте. Для этого я и потребовалъ васъ.

— Дайте предписаніе.

Деппъ тутъ же собственноручно написалъ его, подписалъ, занумеровалъ и передалъ мнѣ. Въ предписаніи говорилось, чтобы я немедленно ѣхалъ въ г. Слатину, на Ольтѣ, сдѣлалъ бы распоряженія о постройкѣ моста, а потомъ отправился на мѣсто заготовленія матеріаловъ и *оказалъ бы содѣйствіе Кирпичеву и Битнеру.*

Прочитавъ, я положилъ бумагу на столъ и сказалъ, что это распоряженіе ко мнѣ относиться не можетъ и самого

Деппа поставитъ въ неопредѣленное положеніе. Что означаетъ сдѣлать въ Слатинѣ распоряженіе о постройкѣ моста? Кто же будетъ его строить?

— Въ Слатину уже прибылъ 6-й саперный баталіонъ. Командиръ его будетъ строить.

— Въ такомъ случаѣ объ этомъ надо предписать командиру 6-го сапернаго баталіона, а не мнѣ. Мнѣ, уже старому полковнику, не подобаетъ *содѣйствовать двумъ капитанамъ.* Я могу поѣхать туда, чтобы удостовѣриться, въ какомъ именно положеніи находится дѣло; могу, пожалуй, посовѣтовать, какъ его можно ускорить, и о результатѣ доложить вамъ.

— Такъ вы отказываетесь? спросилъ Деппъ.

— Нѣтъ, не отказываюсь. Но очевидно, что для моста, если и есть бревна, то въ очень недостаточномъ количествѣ; скоро заготовить ихъ тоже нельзя; слѣдовательно, построить мостъ по составленному проекту тоже невозможно. Съ другой стороны, если для переправы осадныхъ орудій не будетъ своевременно годнаго для этого моста, то не только вы будете имѣть огромныя непріятности, но будетъ посрамленъ весь инженерный корпусъ. Какъ устранить то и другое, въ данную минуту рѣшать не берусь. Пошлите меня удостовѣриться, что заготовлено Кирпичевымъ и Битнеромъ и что можетъ быть заготовлено къ 1 іюня; предпишите мнѣ ѣхать оттуда прямо въ Слатину и немедленно приступить къ постройкѣ моста; но при этомъ дайте мнѣ право отступать отъ первопачальнаго проекта, соблюдая лишь то главное и единственное условіе, чтобы по мосту можно было безопасно переправлять осадную артиллерію.

Послѣ нѣкотораго разговора, почти какъ говорится à bâtons rompus, Деппъ согласился и перемѣнилъ свое предписаніе. Но и въ измѣненномъ видѣ было поставлено неисполнимое условіе, чтобы мостъ былъ *плотовой.*

Деппъ отправился на завтракъ къ Великому Князю, а я обѣдать къ маркитанту.

Импровизированный въ сараѣ ресторанъ былъ полонъ желающими напитаться и узнать новости. Скоро между посѣтителями оказались и штабные. Одинъ изъ послѣднихъ отвелъ меня въ сторону и разсказалъ, что полчаса тому назадъ онъ слышалъ, какъ Великій Князь спрашивалъ Деппа о положеніи дѣла о мостѣ; что Деппъ, между прочимъ, доложилъ, что посылаетъ меня для оборудованія этого дѣла.

Отыскавъ моихъ денщиковъ, лошадей и имущество, прибывшихъ съ полевымъ инженернымъ управленіемъ, я въ тотъ же день уѣхалъ въ Букарестъ и далѣе въ Слатину.

Пріѣхавъ туда около полудня 4 мая, я повидался съ командиромъ 6-го сапернаго баталіона полковникомъ Извѣковымъ и осмотрѣлъ мѣсто наиболѣе удобное для подготовки мостовыхъ устоевъ. Извѣковъ, по моей просьбѣ, назначилъ одного изъ своихъ офицеровъ, который долженъ былъ сопровождать меня на заводъ къ Кирпичеву и Витперу.

Мы выѣхали рано утромъ, проѣхавъ около 75 верстъ, добрались къ вечеру 5 мая до г. Рымникъ, лежащаго уже почти въ Карпатскихъ горахъ. Здѣсь пришлось ночевать, потому что дальше, въ горахъ, дорога была размыта дождями, многіе мосты разрушены и предстояло продолжать путь верхомъ. Къ счастью, нашъ извозчикъ былъ изъ некрасовцевъ, говорившій по-румынски. При его помощи, мы водворились на ночлегъ въ какомъ-то частномъ домѣ и для слѣдующаго утра намъ были доставлены верховыя лошади. Хозяева помѣстили насъ въ опрятной комнатѣ и угостили ужиномъ въ румынскомъ вкусѣ, съ драгошанскимъ виномъ, славящимся въ этомъ краѣ.

Изъ Рымника мы ѣхали еще въ экипажѣ, а подъ конецъ верстъ 9—10 проѣхали верхомъ. Прелестная мѣстность съ роскошною растительностью, съ массою цвѣтущихъ розъ

и другихъ растеній, располагала къ благодушеству, и можетъ быть поэтому мы застали Кирпичева и Битнера покойно сидящими въ ихъ квартирѣ.

Разсказавъ нашимъ офицерамъ цѣль моего пріѣзда, я попросилъ ознакомить меня съ положеніемъ дѣла. Оно оказалось въ очень печальномъ состояніи. Рубка лѣса на высокихъ горахъ, вслѣдствіе весенняго времени, была невозможна, такъ какъ деревья уже распустились; при спускѣ съ высокихъ горъ, за отсутствіемъ снѣга, бревна прыгали съ одного утеса на другой и многія разбивались въ щепки. Бревенъ, заготовленныхъ въ прошлые годы, имѣлось лишь нѣсколько десятковъ штукъ, да и тѣ, хотя толстыя, но были очень коротки, не больше 2—3 саженъ; спустившіяся же благополучно съ горъ, были сыры, стало-быть тяжелы и погружались въ воду такъ, что надъ ея поверхностью не оставалось и десятой части толщины бревна. Заводчикъ не имѣлъ достаточнаго числа рабочихъ, потому что всѣ румыны ушли на полевыя работы, а австро-венгерское правительство воспретило венгерцамъ переходить границу. Объ этомъ было доложено Деппу, и онъ послалъ туда роту саперъ. Рота тогда только что прибыла и какую она принесетъ пользу еще нельзя было опредѣлить. Изъ ста заказанныхъ деревянныхъ понтоновъ былъ готовъ остовъ только перваго, пробнаго понтона, но и онъ еще не былъ обшитъ досками.

— А вы, обратился я къ Битнеру,—говорили мнѣ, что у васъ все уже готово.

„Да, отвѣтилъ Битнеръ, мы были увѣрены, что все будетъ готово“.

— Въ десять-то дней? возразилъ я.—Но это, конечно, ваше дѣло; мнѣ же поручено на мѣстѣ удостовѣриться о положеніи работъ и донести генералу Деппу.

„Все, что я здѣсь узналъ и видѣлъ, такъ не похоже на то, что предполагаетъ генералъ Деппъ, что я прошу васъ,

теперь же, написать о всемъ, что сдѣлано, что остается сдѣлать и почему произошло такое промедленіе. Вашу записку я передамъ генералу Деппу. Вамъ подробно извѣстны всѣ обстоятельства дѣла и въ своей запискѣ вы, конечно, не пропустите ни одного обстоятельства, приведшаго къ такому неудовлетворительному результату; да и на меня вы не будете претендовать, что я пропустилъ, въ моемъ докладѣ, какое-нибудь важное оправдывающее обстоятельство. Короче, я желалъ бы остаться въ сторонѣ отъ вашего дѣла. Вотъ вамъ предписаніе генерала Деппа на мое имя, на основаніи котораго я сюда пріѣхалъ и на основаніи котораго я долженъ доложить ему подробно о положеніи даннаго вамъ порученія".

Поступая такъ, совершенно по-товарищески, я думалъ дать имъ возможность оправдаться; но это понялъ, кажется, только одинъ Кирпичевъ, который тотчасъ же принялся за составленіе записки; что же касается до Битнера, то онъ надулся, не понимая, что я хочу дать имъ возможность оправдаться въ томъ, въ чемъ они, по моему мнѣнію, нисколько не виноваты.

Впрочемъ, въ дѣлѣ о заготовкѣ матеріаловъ для моста Кирпичевъ и Битнеръ, какъ уже сказано, нисколько не виноваты. Они дѣлали то, что имъ было приказано. Виноватъ самъ Деппъ. Онъ, какъ начальникъ инженеровъ, долженъ былъ понимать, что весною бревенъ не заготовляютъ, что если бы даже были наличныя бревна, то сплавить ихъ по рѣкѣ, которую въ иное время курица переходитъ въ бродъ, а въ другое—она превращается въ быстрый, горный потокъ, ворочающій встрѣчаемые на пути огромные камни и разрушающій постоянные прочные мосты, было невозможно. Если бы все это Деппъ сообразилъ, то онъ не обрадовался бы открытію какого-то ничтожнаго лѣсопильнаго завода и предпочелъ бы доставку лѣса изъ Россіи, хотя и съ очень

дальняго разстоянія, но этотъ лѣсъ прибылъ бы и своевременно, и въ достаточномъ количествѣ. Везли же отъ Галаца до Слатины, по желѣзной дорогѣ, деревянные понтоны, построенные Клименкой; везли же мипоноски изъ Кронштадта; отчего же нельзя было, такимъ же путемъ, доставить и бревна?

Записку Кирпичева я отправилъ Деппу по прибытіи въ Слатину.

Было очевидно, что о плотовомъ мостѣ нечего и думать и, слѣдовательно, необходимо было найти, чѣмъ можно было бы замѣнить плоты.

По всей Ольтѣ, верстъ на 40 выше Слатины, было большое число водяныхъ мукомоленъ. Такъ какъ горизонтъ рѣки часто измѣняется, а вмѣстѣ съ нимъ измѣняется и скорость теченія, то румыны строятъ мельницы пловучія. Для этого служатъ четырехугольныя лодки, или вѣрнѣе сказать ящики. Каждая мельница стоитъ на двухъ такихъ лодкахъ, обѣ длиною до 4-хъ саженъ; на одной, шириною около двухъ саженъ, устраивается собственно мельница съ жерновами, а другая, не болѣе сажени ширины, ставится рядомъ съ первой и прочно прикрѣпляется къ ней; она служитъ для поддерживанія наружнаго конца вала водянаго колеса, вращающагося въ промежуткѣ между обѣими лодками. По мѣрѣ того, какъ горизонтъ поднимается или понижается, мельницу или приближаютъ къ берегу, или удаляютъ отъ него такъ, чтобы водяное колесо находилось въ струѣ достаточно быстраго теченія рѣки.

За неимѣніемъ лучшаго, я рѣшился воспользоваться этими лодками для устройства изъ нихъ мостовыхъ пловучихъ устоевъ.

Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, для доставленія военнымъ инженерамъ практики въ работахъ встрѣчаемыхъ на театрѣ войны, прикомандировалъ по нѣскольку инженерныхъ

офицеровъ къ сапернымъ баталіонамъ, входившимъ въ составъ дѣйствующей арміи. Было четыре офицера и при 6-мъ саперномъ баталіонѣ.

При первомъ пріѣздѣ въ Слатину ко мнѣ явился инженеръ-капитанъ Главацкій, наблюдавшій за доставкою въ Слатину разныхъ принадлежностей для моста. Уже не помню вслѣдствіе какого распоряженія, Главацкій сдѣлался моимъ помощникомъ, въ немъ я нашелъ полезнаго и очень дѣятельнаго помощника.

Пригласивъ къ себѣ инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ и объяснивъ имъ, въ чемъ состоитъ мой проектъ моста, я предложилъ нѣсколькимъ изъ нихъ пріискивать продажныя мельницы, сторговываться въ цѣнѣ, и рѣшилъ, какъ только мельницы найдутся, немедленно приступить къ дѣлу.

Я донесъ Дешну, что за неимѣніемъ бревенъ, плотовые устои моста можно замѣнить лодками, сдѣлавъ въ нихъ должныя приспособленія; что къ покупкѣ лодокъ приступлено, и просилъ отвѣчать телеграммой. Такъ какъ отвѣта долго не было, то это молчаніе нельзя было истолковать иначе, какъ согласіемъ на замѣну плотовъ лодками.

Въ моемъ распоряженіи было всего пять тысячъ франковъ, а такъ какъ пара мельничныхъ лодокъ стоила отъ 200 до 500 франковъ, то при покупкѣ ихъ, пришлось ограничиться выдачею только задатковъ, въ размѣрѣ 20—30 франковъ. Въ скоромъ времени было налицо уже почти все необходимое число лодокъ. По мѣрѣ покупки лодокъ, я увѣдомлялъ Дешна телеграммами и въ каждой изъ нихъ просилъ прислать деньги для расплаты за лодки и для покупки разныхъ необходимыхъ предметовъ: досокъ, пакли, смолы и проч.

Уже не помню сколько было мною послано телеграммъ, но ни на одну отвѣта не было. И вотъ, когда уже большая часть лодочныхъ устоевъ (мы ихъ называли *плашкоутами*)

была готова, отъ Деппа получилась такая телеграмма: „лодокъ покупать не надо, нуженъ мостъ плотовой, дѣлайте, что приказано, денегъ не пришлю". Вотъ тебѣ и drace, подумалъ я. Если исполнять такое распоряженіе Деппа, то приходилось бы сидѣть сложа руки, но не на свободѣ, а въ румынской тюрьмѣ за неуплату за взятые предметы, подъ задатки; и, что еще хуже, къ назначенному времени моста не было бы; Деппу попало бы по дѣломъ, мнѣ было бы почти въ чужомъ пиру похмелье, а срама для всѣхъ инженеровъ не обобраться бы.

Изложивъ подробнѣйшимъ образомъ, весь ходъ дѣла по постройкѣ моста и приложивъ къ этому описанію записку: что именно мною было найдено на лѣсопильномъ заводѣ, откуда до того времени не было доставлено ни одного бревна, а равно и копіи моихъ телеграммъ Деппу и послѣднее его распоряженіе, все это я отправилъ съ нарочнымъ въ Плоэшти, при письмѣ къ адъютанту главнокомандующаго, полковнику Д. А. Скалону, прося его все сообщенное мною, во всей подробности, доложить Его Высочеству.

Результатъ получился такой: Деппъ былъ вынужденъ телеграфировать мнѣ, чтобы былъ посланъ офицеръ въ Букарестъ для полученія изъ нашего консульства денегъ, въ требуемомъ количествѣ. Между тѣмъ, заготовленіе моста продолжалось безостановочно, потому что я не сомнѣвался въ благопріятномъ разрѣшеніи вопроса.

Насталъ іюнь мѣсяцъ и нужно было ожидать, что въ скоромъ времени послѣдуетъ переправа нашихъ войскъ, а слѣдовательно, потребуется и мостъ. До означеннаго времени, съ завода еще ничего не было получено и только около 6—8 іюня стали изрѣдка подходить деревянные понтоны, въ числѣ 2—4 штукъ.

Около того же времени въ Слатину прибыла осадная артиллерія и мнѣ было поручено осмотрѣть дорогу до Турнъ-

Магурели и особенно мосты, съ цѣлью удостовѣриться, можно ли по нимъ провести осадныя орудія, изъ которыхъ каждое, съ лафетомъ, но безъ всѣхъ прочихъ принадлежностей (т. е. затвора, подъемнаго винта и проч.), вѣсило около 500 пудовъ. Это распоряженіе давало возможность, хотя приблизительно, предугадать избранное для переправы мѣсто, отъ котораго и зависѣла длина моста.

Только противъ самаго Никополя Дунай протекаетъ однимъ русломъ, имѣя ширину не болѣе 400 саженъ. Ниже же Никополя, на большомъ протяженіи рѣка несравненно шире. При такихъ условіяхъ хотя осадная артиллерія и направлялась къ Турнъ-Магурели, но не подлежало сомнѣнію, что переправа совершится не въ виду крѣпости, а гдѣлибо между Никополемъ и Систовымъ, и что потребуется мостъ несравненно большей длины, чѣмъ предположено.

Поэтому, я просилъ Деппа указать мнѣ, достаточна ли длина уже почти заготовленнаго, моста въ 400 саженъ. Но на этотъ вопросъ отъ Деппа не послѣдовало никакого отвѣта.

Необыкновенно большой разливъ Дуная въ 1877 году, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, принуждавшій, со дня на день, откладывать переправу, сталъ постепенно уменьшаться и въ первыхъ числахъ іюня рѣка почти вошла въ свои берега. Слѣдовало ожидать, что переправа послѣдуетъ на дняхъ и неожиданно.

Заготовленный у Слатины мостъ предстояло спустить внизъ по теченію Ольты, къ ея устью, немного западнѣе Турнъ-Магурели. Затѣмъ мостовые устои, т. е. плашкоуты и прочія принадлежности моста (переводины, настилка, якоря и т. п.) нужно было вывести въ Дунай и спустить внизъ по его теченію, мимо крѣпости Никополь.

Въ составъ дѣйствующей арміи входили четыре понтонныхъ баталіона. Каждый изъ нихъ могъ дать 26 понтонныхъ лодокъ, подымающихъ, каждая, кромѣ гребцовъ, 32 че-

ловѣка въ полномъ походномъ снаряженіи; или всѣ четыре баталіона вмѣстѣ, немного болѣе 3-хъ баталіоновъ пѣхоты. Отдѣляя же одинъ понтонный баталіонъ для устройства паромовъ для перевозки артиллеріи и кавалеріи, четыре баталіона могли поднять одновременно: около $2^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 6 полевыхъ орудій, съ зарядными ящиками и лошадьми и полуэскадронъ кавалеріи. Слѣдовательно, имѣвшимися средствами, въ пять—шесть рейдовъ, можно было переправить дивизію пѣхоты, 30—40 орудій и два эскадрона кавалеріи; но, конечно, въ томъ только случаѣ, если переправа будетъ совершаться не подъ огнемъ и ни одинъ понтонъ или паромъ не будетъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами. Матеріальными средствами каждаго баталіона можно навести мостъ длиною въ 100 саженъ; но, вслѣдствіе того, что въ числѣ мостовыхъ устоевъ, въ каждомъ баталіонѣ, есть по нѣскольку устоевъ на козлахъ, устанавливаемыхъ только у береговъ рѣки, на мелководіи, въ совокупности, четыре баталіона могутъ дать мостъ длиною не 400, а не болѣе 350 или 360 саженъ.

Въ виду того, что въ пунктѣ, избранномъ главнокомандующимъ для переправы и наводки моста, ширина рѣки значительная, въ Галацѣ было сдѣлано 100 деревянныхъ понтоновъ со всѣми принадлежностями для устройства моста, т. е. съ настилкою и проч. Галацкіе понтоны были доставлены въ Слатину по желѣзной дорогѣ, а оттуда сплавлены по Ольтѣ къ ея устью. Эти понтоны были на мѣстѣ 14 іюня. Къ тому же времени туда приплыла и большая часть моста, заготовленнаго у Слатины. Устье Ольты такъ было загромождено понтонами, плашкоутами, плотами, что съ одного берега рѣки на другой можно было переходить, прыгая съ одного плота на другой, съ одной лодки на другую. Такъ какъ почти отъ самой Слатины до устья Ольта протекаетъ по равнинной мѣстности, поэтому скопленіе разнаго рода

пловучихъ мостовыхъ принадлежностей, очень хорошо и на большое разстояніе, было видно изъ Никополя, расположеннаго въ небольшомъ разстояніи на весьма высокомъ берегу.

Со времени прибытія нашихъ войскъ на Дунай, на 8-ю кавалерійскую дивизію ген.-лейт. кн. Манвелова было возложено охраненіе лѣваго берега Дуная отъ устья Ольты до устья Веде. 7 мая передъ смѣною дежурныхъ частей, разъѣзды Вознесенскихъ улапъ донесли, что у д. Фламунды, около версты ниже ея, стоитъ на якорѣ непріятельскій пароходъ и при немъ два рѣчныхъ грузовыхъ судна. Князь Манвеловъ приказалъ бывшему въ разъѣздѣ поручику Синицыну немедленно завладѣть этимъ пароходомъ, что и было исполнено небольшой командой спѣшенныхъ уланъ. Экипажъ захваченнаго парохода и двухъ баржъ показалъ, что пароходъ велъ на буксирѣ въ Никополь двѣ баржи, нагруженныхъ кукурузой, и около Фламунды, близко отъ берега, сталъ на мель; что комендантъ Никополя приказалъ, во что бы то ни стало, сняться съ мели, а чтобы русскіе не могли мѣшать этому, обѣщалъ прислать военное судно. По приказанію кн. Манвелова, сейчасъ же былъ сформированъ отрядъ изъ двухъ эскадроновъ (одинъ отъ Астрахапскаго драгунскаго, а другой отъ Вознесенскаго уланскаго полковъ) съ донскою № 9 батареею, подъ начальствомъ начальника штаба 8-й кавалерійской дивизіи, полковника бар. Каульбарса. Этому отряду было поручено охранять пароходъ и баржи отъ всякихъ покушеній турокъ.

Военное турецкое судно, дѣйствительно, нѣсколько разъ подходило къ пароходу и баржамъ, но всегда было отгопяемо нашею артиллеріею. Тогда турки вздумали бомбардировать пароходъ. Хотя до крѣпости разстояніе было велико, но можно было опасаться, что и пароходъ и баржи будутъ повреждены. Поэтому рѣшили всю эту флотилію затопить, принявъ мѣры, чтобы, когда потребуется, изъ парохода и

баржъ можно было откачать воду и поднять ихъ изъ воды. Для этого баржи были поставлены впереди парохода, на нихъ сдѣлали бруствера изъ мѣшковъ съ землею; такими же мѣшками, въ нѣсколько рядовъ, были покрыты палубы парохода и баржъ. Случайное пріобрѣтеніе парохода и двухъ баржъ, оказало большую помощь переправляющимся войскамъ.

Наконецъ, тѣмъ, кому надлежало знать, сдѣлалось извѣстно, что переправа произойдетъ въ ночь съ 14 на 15 іюня у Зимницы, противъ Систова.

Въ 1 часъ ночи, съ 14 на 15 іюня, одновременно, у Зимницы началась переправа 14-й пѣхотной дивизіи генерала Драгомирова, а изъ устья Ольты вышли въ Дунай понтоны, доставленные, какъ уже выше сказано, изъ Галаца. Всѣмъ плывшимъ караваномъ завѣдывалъ капитанъ 1-го ранга Новосильскій. Кромѣ гребцовъ, изъ матросовъ, на понтоны былъ посаженъ 5-й саперный баталіонъ. На головномъ понтонѣ сидѣлъ ген. Депнъ, побѣдоносно держа въ рукахъ знамя 5-го сапернаго баталіона. Новосильскій находился на понтонѣ, плывшемъ въ хвостѣ каравана. Это движеніе было торжественно и прошло совершенно благополучно, потому что турки замѣтили понтоны уже когда разсвѣло, и выстрѣлы орудій Никополя могли достигать лишь до хвоста каравана.

Прибывъ къ д. Фламундѣ, караванъ поступилъ подъ начальство Великаго Князя Алексія Александровича, которому было подчинено все, что дѣлалось и находилось на Дунаѣ. На галацкихъ понтонахъ Великій Князь въ тотъ же день, отправился къ Зимницѣ, гдѣ въ этихъ понтонахъ была крайняя необходимость.

Въ ту же ночь, съ 14 на 15 іюня, капитанъ-лейтенантъ Тудеръ, съ своею командою моряковъ, откачалъ воду изъ парохода и баржъ, взялъ ихъ на буксиръ и отправился къ Зимницѣ переправлять войска. Эта помощь оказала пе-

переправѣ огромную услугу, такъ какъ дала возможность перевозить, съ одного берега на другой, большіе отряды и къ вечеру 15 же числа на правомъ берегу Дуная были уже всѣ части 8-го армейскаго корпуса и 4-я стрѣлковая бригада.

Пропустивъ безнаказанно первый отрядъ понтоновъ, турки стали внимательнѣе, и потому второй отрядъ, изъ понтоновъ же и плотовъ, проходившій мимо Никополя въ ночь съ 15 на 16 число, былъ встрѣченъ огнемъ съ крѣпости раньше чѣмъ въ прошлую ночь. Кромѣ того, турки разсыпали по берегу цѣпь стрѣлковъ, и понтоны подвергались не только пушечному, но и ружейному огню. При этомъ одинъ вольнонаемный лоцманъ, изъ мѣстныхъ рыбаковъ, былъ раненъ, послѣ чего онъ намѣренно придержалъ къ берегу и спрыгнулъ съ плота; его примѣру послѣдовали еще пять другихъ. Оставшіеся на плотахъ саперы, по малочисленности своей, не могли справиться съ шестью плотами. Недолго думая, они причалили къ берегу и, несмотря на сильный огонь, связали по два плота вмѣстѣ; затѣмъ, отчаливъ отъ берега, плоты вошли въ общую линію каравана и благополучно прибыли къ Фламундѣ. Послѣдній отрядъ галацкихъ понтоновъ прошелъ мимо Никополя въ ночь съ 16 на 17 іюня, хотя и подъ такимъ же сильнымъ огнемъ, но безъ потерь.

Къ этому времени въ устье Ольты прибыли всѣ части моста, заготовленнаго въ Слатинѣ, предназначеннаго для переправы осадной артиллеріи и другихъ значительныхъ тяжестей, которыя не могли быть перевозимы по понтонному мосту, наведенному у Зимницы изъ понтоновъ понтонныхъ парковъ и изъ заготовленныхъ въ Галацѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ спуску по Дунаю къ Зимницѣ частей этого моста, въ нихъ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя приспособленія, исключительно состоявшія въ при-

дѣлкѣ къ плашкоутамъ и плотамъ потесей (большихъ веселъ въ кормѣ и носу), посредствомъ которыхъ можно было бы давать имъ должное направленіе. На эту незначительную работу потребовалось пять дней, потому что пришлось поджидать прибытія изъ Слатины шедшихъ оттуда матеріаловъ. Кромѣ того, чтобы можно было, по прибытіи къ Зимницѣ, тотчасъ приступить къ наводкѣ моста, слѣдовало, при каждомъ мостовомъ устоѣ, отправлять соотвѣтствующее число переводинъ, досокъ, якорей и проч.

Для этого, въ свою очередь, потребовалась сортировка почти всего огромнаго каравана, на что тоже понадобилось нѣкоторое время.

Какъ уже было сказано, первоначально длина моста была опредѣлена въ 400 саженъ; сообразно съ этимъ и были заготовлены всѣ его части.

Къ 24 іюня все было готово къ начатію сплава, такъ называвшагося, большого моста. Около 9 часовъ вечера, караванъ, состоявшій изъ 45 плотовъ и плашкоутовъ подъ управленіемъ лейтенанта Мякинина, отчалилъ отъ берега и поплылъ въ Дунай.

У самой крѣпости Никополь въ Дунай вливаются съ сѣверной стороны р. Ольта, а съ южной р. Осьма. Устья этихъ рѣчекъ находятся почти другъ противъ друга, и при высокой водѣ обѣ рѣчки текутъ весьма быстро и имѣютъ большое вліяніе на правильность теченія Дуная у Никополя.

Нашъ караванъ благополучно вошелъ въ Дунай и сталъ тихо спускаться внизъ по теченію; но это продолжалось недолго. Дойдя до того мѣста, гдѣ встрѣчаются теченія Дуная и двухъ его притоковъ, плоты и плашкоуты стали уклоняться отъ должнаго направленія, ихъ поворачивало то во одну, то въ другую сторону. Головныя части каравана почти не двигались, а заднія наваливали на нихъ. Начались возгласы: держи правѣй, держи лѣвѣй, которые были услышаны тур-

ками; поэтому не успѣлъ еще караванъ поровняться съ крѣпостью, какъ оттуда раздались пушечные выстрѣлы, а скоро открылся и ружейный огонь, не прекращавшійся, пока весь караванъ не достигъ Фламунды. Судя по учащенному огню, было видно, что турецкіе артиллеристы суетились, вслѣдствіе чего стрѣляли не мѣтко. Вокругъ плашкоута и плотовъ падала въ воду масса снарядовъ и только осколки гранатъ иногда попадали въ караванъ, при чемъ немного повредили два-три плота и въ одномъ плашкоутѣ сдѣлали небольшую пробоину въ надводной его части; другихъ потерь, къ счастью, не было.

Во всякомъ случаѣ, пока приходилось бороться съ тройнымъ теченіемъ (Ольты, Дуная и Осьмы), пришлось провести „un mauvais quart d'heure", какъ говорится.

Едва приступили къ сплаву большого моста, какъ начальникъ переправы у Зимницы, генералъ-маіоръ Рихтеръ [1]), увѣдомилъ меня телеграммою, что мостъ долженъ быть не менѣе 500 саженъ длиною, а день или два спустя, въ новой телеграммѣ, ген. Рихтеръ сообщилъ, что длина моста опредѣлилась въ 600 саженъ, т. е. въ полтора раза болѣе, чѣмъ предполагалось. Слѣдовательно, заготовленныхъ матеріаловъ было недостаточно, тѣмъ болѣе, что нѣсколько плашкоутовъ потерпѣли крушеніе еще проходя по Ольтѣ, и нужно было ожидать, что будутъ и другія потери.

Восполнить оказавшійся недостатокъ матеріаловъ помогло совершенно неожиданное обстоятельство. Для защиты мостовъ отъ непріятельскихъ брандеровъ, Великій Князь предполагалъ устроить боны, которые слѣдовало навести выше мостовъ; но удачное загражденіе Дуная подводными минами, опущенными въ разныхъ мѣстахъ, позволило отказаться отъ боновъ. Эта перемѣна не была извѣстна Кирпичеву. Поэтому

---

[1]) Ген.-м. Александръ Карловичъ Рихтеръ въ то время былъ начальникомъ 3-й саперной бригады.

онъ, зная, что для боповъ годны бревна всякой величины, принялъ отъ заводчика, находившіяся у него старыя бревна, весьма толстыя, но длиною только 2 — 2½ сажени, и отправилъ ихъ въ Турнъ-Магурели. Дѣлая мостовые плоты изъ короткихъ бревенъ, нужно было только значительно измѣнить конструкцію плотовъ и отказаться отъ порядочной части, раньше уже заготовленныхъ, металлическихъ принадлежностей, которыя оказались уже непригодными.

Не останавливаясь передъ народившимся затрудненіемъ, сплавъ частей большого моста продолжался безостановочно.

Нужно замѣтить, что наши осадныя батареи, построенныя на лѣвомъ берегу противъ Никополя, еще вечеромъ 13 іюня открыли огонь по крѣпости и городу. Въ городѣ въ тотъ же вечеръ вспыхнулъ пожаръ.

Около 20—23 іюня 31-я пѣхотная и 8-я кавалерійская дивизіи, столвшія къ востоку отъ устья Ольты и Турнъ-Магурели, были направлены къ переправѣ у Зимницы, а для прикрытія нашихъ осадныхъ батарей, продолжавшихъ бомбардировать Никополь, и для наблюденія за берегами Дуная, прилегающими съ обѣихъ сторонъ къ устью Ольты, были назначены румынскія войска.

Вдоль берега, отъ устья Ольты до Фламунды и вверхъ по Дунаю, стояли румынскіе пикеты. Когда 24-го числа, при проходѣ нашего каравана, турки открыли по нимъ огонь, румыны, принявъ наши плашкоуты за турецкія суда, на которыхъ непріятель переправляется къ намъ, недолго думая подвели резервы своихъ пикетовъ къ берегу и тоже открыли огонь по каравану. Къ счастью это продолжалось недолго и никакого вреда не причинило. Какъ бы то ни было, нашъ первый караванъ прошелъ подъ выстрѣлами не только непріятеля, но и союзниковъ, что могло произвести нехорошее впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ, занятыхъ сплавомъ моста.

Вышеописанный сплавъ перваго каравана убѣдилъ въ

необходимости сдѣлать приспособленія, чтобы плашкоуты и плоты могли двигаться быстрѣе. Поэтому, возвратясь изъ Фламунды, береговой дорогой, я распорядился, чтобы въ стѣнахъ плашкоутовъ продѣлали небольшія отверстія, для просовыванія веселъ, а на плотахъ установили бы уключины, по двѣ съ каждой стороны плота. На скорую руку заготовили и весла.

По нашимъ караванамъ турки стрѣляли изъ орудій, стоявшихъ на очень большой высотѣ; кромѣ того, приходилось стрѣлять по движущимся цѣлямъ. Убѣдясь въ недѣйствительности своихъ выстрѣловъ, непріятель, кажется, рѣшился перемѣнить образъ дѣйствій. Въ теченіе дня румынскіе пикеты дали знать, что турки чинятъ свои лодки, стоявшія у пристани, и приготовляются спустить ихъ на воду; этихъ лодокъ было до десяти штукъ. Капитанъ 1-го ранга Новосильскій, завѣдывавшій всею флотскою частью при описываемой операціи, лично удостовѣрившійся въ справедливости донесенія румынъ, сообщилъ мнѣ, что турки, дѣйствительно, приготовляютъ свою флотилію, вѣроятно съ цѣлью напасть на караванъ, когда онъ будетъ проходить мимо Никополя.

Поэтому, чтобы въ случаѣ нападенія турокъ, караванъ могъ дать имъ отпоръ, по соглашенію съ Новосильскимъ, было рѣшено второй караванъ сформировать слѣдующимъ образомъ: на плашкоутахъ наскоро набросали изъ досокъ палубы; на каждый изъ нихъ, кромѣ гребцовъ, находившихся подъ палубой, назначено по нѣскольку вооруженныхъ нижнихъ чиновъ 6-го сапернаго баталіона; на плоты были назначены тоже вооруженные нижніе чины, того же баталіона. На каждомъ плашкоутѣ и плотѣ находилось еще по два сапера съ динамитными патронами съ полуминутными фитилями, въ предположеніи бросить эти заряды въ турецкія лодки, когда онѣ подойдутъ на достаточное для этого раз-

стояніе. Два кожуховыхъ бота, состоявшихъ въ распоряженіи Новоспльскаго, вооружили каждый морскимъ десантнымъ 4-хъ фунтовымъ орудіемъ; одинъ ботъ долженъ былъ слѣдовать въ головѣ каравана, а другой въ хвостѣ его. Наконецъ, принимая въ соображеніе, что турецкія лодки будутъ немного снесены теченіемъ и потому могутъ атаковать нашъ караванъ только ниже Никополя, было рѣшено, къ тому мѣсту, гдѣ вѣроятнѣе всего можетъ произойти встрѣча, выводить роту саперъ; каравану же дать приказаніе, въ случаѣ, если будетъ замѣчено приближеніе турецкихъ лодокъ, приставать къ своему берегу, гдѣ рота поможетъ отогнать противника.

Сформированный и снаряженный такимъ образомъ отрядъ въ 9 часовъ вечера 26 іюня отчалилъ отъ берега. Кромѣ флотскаго офицера, начальствовавшаго надъ морскою командою, на лодкахъ и плотахъ находились: инженеръ шт.-кап. Недзвецкій, 6-го сапернаго баталіона подпоручикъ Федоровъ и л.-гв. сапернаго баталіона прапорщикъ Нееловъ. Роту саперъ, назначенную въ прикрытіе, я самъ отвелъ къ берегу и указалъ мѣсто, гдѣ она должна находиться.

Чтобы лучше удостовѣриться въ дѣлаемыхъ турками приготовленіяхъ, лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона подпоручикъ гр. Ивеличъ, съ охотниками отъ гвардейскаго экипажа, на небольшой лодкѣ, попробовалъ подойти къ турецкимъ лодкамъ и зажечь ихъ динамитными патронами; но это предпріятіе не имѣло успѣха, потому что теченіе снесло лодку гр. Ивелича далеко отъ того мѣста, гдѣ находилась турецкая флотилія.

Въ то время, когда разводили людей по плашкоутамъ и плотамъ и дѣлались всѣ приготовленія къ отправленію второго каравана, къ западу отъ Ольты одновременно вспыхнуло нѣсколько костровъ зажженныхъ пастухами. На это тогда не было обращено, къ сожалѣнію, должнаго вниманія.

Караванъ, отправившійся около 9 часовъ вечера 26-го числа, былъ встрѣченъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, какъ только началъ входить въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ; но, несмотря на учащенную пальбу, отрядъ около 6½ часовъ утра благополучно прибылъ къ Фламундѣ. Это послужило основаніемъ заключить, что одновременно вспыхнувшіе костры были условнымъ сигналомъ, указывающимъ туркамъ время отправленія каравана.

Изъ Фламунды десантныя орудія были перевезены обратно, на подводахъ, подъ прикрытіемъ небольшой команды, ввѣренной л.-гв. сапернаго баталіона подпоручику Андріянову.

Всѣ слѣдующіе караваны были снаряжаемы такъ же, какъ и второй, съ тою только разницею, что десантныя орудія ставились на плашкоутахъ, а не на кожуховыхъ ботахъ, которые нельзя было доставить обратно на Ольту. Одинъ изъ вооруженныхъ плашкоутовъ слѣдовалъ въ головѣ каравана, а другой въ хвостѣ. Каждую ночь рота выходила на указанное мною мѣсто, на берегу Дуная.

При отправленіи третьяго каравана, едва люди стали размѣщаться по плашкоутамъ, снова на прежнихъ же мѣстахъ засвѣтились огни. Туда немедленно были посланы казаки. Завидя ихъ, пастухи погасили огни и, бросивъ свои стада, скрылись. Очевидно, что и въ этотъ разъ сигналъ былъ замѣченъ и понятъ, потому что и третій караванъ подвергся раннему и сильному огню. При этомъ мы потеряли одинъ плашкоутъ и плотъ, которые были разбиты снарядами; но, къ счастью, ни убитыхъ ни раненыхъ не было.

Въ эту ночь графъ Ивеличъ вторично пытался подойти къ турецкимъ лодкамъ; ему удалось выйти даже на берегъ и съ нѣсколькими охотниками направиться къ непріятельской флотиліи, но, встрѣтивъ турецкій пикетъ, былъ принужденъ отступить.

Передъ отправленіемъ слѣдующаго каравана, къ тѣмъ

мѣстамъ, гдѣ появлялись костры, заблаговременно были посланы казаки. Пастухи пробовали зажечь костры на другихъ мѣстахъ, но и тамъ имъ помѣшали. Эта предосторожность оказалась не лишнею, такъ какъ четвертый караванъ не возбудилъ вниманія турокъ; они увидѣли его, когда онъ уже вышелъ изъ сферы крѣпостныхъ выстрѣловъ.

Пока караваны проходили каждую ночь мимо Никополя, паша осадная артиллерія, безостановочно продолжала ежедневно громить крѣпость и городъ, распространяя въ немъ пожары, ярко освѣщавшіе окрестности и особенно Дунай, на прилежащемъ къ Никополю пространствѣ.

2 іюля, рано утромъ, съ праваго берега Дуная стала до насъ доноситься отдаленная пальба. Къ вечеру выстрѣлы явственно доносились до насъ съ южной стороны Никополя и скоро надъ долиною р. Осьмы поднялось густое облако порохового дыма. Командиръ 9-го армейскаго корпуса генералъ Криденеръ увѣдомилъ телеграммою, что онъ оттѣснилъ турокъ за Никопольскіе валы и, на разсвѣтѣ 3 іюля, намѣренъ возобновить атаку для овладѣнія крѣпостью. При этомъ генералъ Криденеръ просилъ, чтобы осадная артиллерія поддержала его атаку своимъ огнемъ, начавъ стрѣльбу еще до разсвѣта.

Въ ночь со 2 на 3 іюля, какъ обыкновенно, караванъ отчалилъ отъ берега и направился къ Дунаю; рота саперъ находилась на опредѣленномъ мѣстѣ, на берегу Дуная, немного ниже, по теченію, Никопольской пристани, у которой стояли турецкія лодки. Когда вторая половина каравана проходила мимо этой пристани, у турецкихъ лодокъ послышались голоса и стукъ веселъ, укладываемыхъ въ лодки. Зарево пожара позволило разсмотрѣть на берегу скопленіе довольно большого числа турокъ. Саперы, бывшіе въ цѣпи, приняли немного вправо, чтобы хвостъ каравана не закрывалъ противоположнаго берега, и открыли по турецкимъ лод-

камъ огонь [1]). Вслѣдъ за этимъ, морской офицеръ, находившійся на плашкоутѣ, вооруженномъ десантнымъ орудіемъ и слѣдовавшемъ въ хвостѣ каравана, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ картечью. Пули застучали о борты непріятельскихъ лодокъ. Видно было, что турки пришли въ смятеніе. Въ это время начался разсвѣтъ.

Зная, что на разсвѣтѣ должна начаться атака Никополя съ южной стороны, я приказалъ подвести къ берегу поддержку саперной роты и продолжать учащенный ружейный огонь всею ротою. Это окончательно ввело турокъ въ заблужденіе. Можно съ достовѣрностью утверждать, что они эту случайную пальбу приняли за намѣреніе къ атакѣ съ юга присоединить и нападеніе со стороны Дуная. Такъ можно думать, потому что по улицамъ Никополя, круто спускающимся къ берегу, турецкія войска, въ довольно большомъ количествѣ, стремительно направлялись къ берегу.

Еще до разсвѣта, съ южной стороны Никополя, послышался артиллерійскій и ружейный огонь; постепенно приближаясь, выстрѣлы постоянно усиливались. Осадныя паши орудія грохотали безъ умолка. Надъ Никополемъ стояла туча порохового дыма. Пожаръ пылалъ, казалось, сильнѣе прежняго. Все слилось въ какой-то хаотическій шумъ. Было видно, что по улицамъ города турецкія войска торопливо двигались уже не къ берегу, а въ разныя стороны. Ихъ крѣпостная артиллерія, суетясь, направляла свои выстрѣлы то въ осадныя батареи, то по скрывавшемуся изъ вида каравану. Около 5—6 часовъ огонь съ южной стороны крѣпости достигъ наибольшаго своего напряженія, потомъ послышалось громкое ура! и надъ Никополемъ развѣвалось уже наше знамя. Спустя немного времени водворилась полная тишина.

Я и нѣсколько офицеровъ прыгнули въ попавшуюся

---

[1]) Здѣсь ширина Дуная не превосходитъ 380—400 саженъ.

лодку и переѣхали въ Никополь, поздравить генерала Крыденера и другихъ побѣдителей.

Не успѣлъ еще разсѣяться пороховой дымъ, а на улицахъ пылавшаго города, гдѣ на каждомъ почти шагу встрѣчались раненые, уже появились греки, предлагавшіе за неумѣренную плату лошадей и ословъ для поѣздки на бивакъ нашихъ войскъ.

Пока Никополь держался, караваны можно было отправлять только почью и составъ ихъ разсчитывать такъ, чтобы къ разсвѣту хвостъ каравана уже не былъ въ сферѣ непріятельскаго огня. Съ паденіемъ же этой крѣпости предосторожность эта сдѣлалась лишнею: караваны могли проходить днемъ и быть произвольнаго состава.

Поручивъ продолжать сплавъ частей моста старшему послѣ себя, я отправился въ Зимницу, чтобы окончательно избрать мѣсто для моста и начать наводку его. А такъ какъ требовался мостъ въ полтора раза длиннѣе заготовленнаго, то нужно было сообразить чѣмъ пополнить недостатокъ. При этомъ оказался еще новый недочетъ: около пяти плашкоутовъ разбились объ мосты при проходѣ еще по Ольтѣ, три были потоплены непріятельскими снарядами во время прохожденія по Дунаю. Неожиданно поднявшаяся почью буря (въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца) поломала у Зимницы еще 8 плашкоутовъ. Хотя и имѣлся небольшой запасъ ихъ, но потеря 16-ти плашкоутовъ, при имѣвшихся скудныхъ средствахъ, была очень ощутительна.

На мѣстѣ, избранномъ для постановки моста, на Дунаѣ лежатъ два довольно большихъ острова; поэтому потребовалось три отдѣльныхъ моста: съ лѣваго берега на островъ Бужиреску мостъ, длиною 80 саж., съ острова Бужиреску на островъ Ада—265 саж., съ острова Ада на правый берегъ—263 саж. Сложная длина всѣхъ трехъ мостовъ была, слѣдовательно, 608 саж.

Пришлось составлять эти мосты положительно изъ чего попало.

Съ завода прибыла часть заказанныхъ тамъ деревянныхъ понтоновъ, очень небольшихъ размѣровъ. Съ нѣкоторымъ рискомъ можно было разсчитывать, что два такихъ понтона, крѣпко соединенные вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, поднимутъ грузъ около 500 пудовъ. Связали такіе паромы и изъ нихъ устроили мостъ съ лѣваго берега на островъ Бужирески.

Второй мостъ между двумя островами былъ устроенъ изъ бревенчатыхъ плотовъ. Для него были употреблены бревна разныхъ размѣровъ, доставленныя съ завода.

Третій мостъ, съ острова Ада на правый берегъ, состоялъ изъ мельничныхъ лодокъ, превращенныхъ въ мостовые устои или плашкоуты.

Послѣ неудачнаго покушенія овладѣть Плевной 18 іюля, начальникъ находившихся тамъ войскъ, генералъ Зотовъ, нашелъ, что для подготовки успѣха третьей атаки необходимы осадныя орудія. Съ этого времени не проходило дня, чтобы начальникъ переправы или я лично не получали телеграммъ съ короткими и категорическими вопросами, въ родѣ: Готовъ ли мостъ? Когда мостъ будетъ готовъ? Переправляйте скорѣе осадную артиллерію. Скоро ли мостъ будетъ оконченъ?

Трудно было вразумить кого бы то ни было, не исключая и Деппа, что создать вновь изъ ничего лишнихъ двѣсти саженъ моста дѣло не легкое и требующее не мало времени, особенно когда подъ руками нѣтъ необходимыхъ матеріаловъ.

Здѣсь приходится войти въ небольшую подробность, относящуюся до устройства пловучаго моста, такъ какъ, иначе, дальнѣйшій разсказъ не будетъ понятенъ.

Чтобы пловучіе устои, при движеніи по мосту груза, не подвергались качанію, необходимо, чтобы концы такъ назы-

ваемыхъ переводинъ, т. е. балокъ, укладываемыхъ съ одного устоя на другой, доходили до середины устоевъ, потому что только при соблюденіи этого условія проходящій по мосту грузъ будетъ давить на весь устой, который и будетъ погружаться равномѣрно, другими словами: концы перекладинъ нельзя класть на борты лодокъ, служащихъ устоями. Это значительно укорачиваетъ мостъ; напримѣръ, при 4-хъ саженныхъ переводинахъ нельзя ставить устои въ разстояніи 4-хъ саженей другъ отъ друга, а нужно, чтобы это разстояніе было между ихъ серединами.

Подъ давленіемъ ежедневныхъ телеграммъ о скорѣйшей переправѣ осадной артиллеріи и по недостатку готовыхъ устоевъ, я рѣшился на мосту изъ мельничныхъ лодокъ положить переводины на борта устоевъ. По соображеніямъ и по расчету выходило, что устои хотя и будутъ много накреняться, но что, Богъ дастъ, они не будутъ зачерпывать воду, и артиллерія пройдетъ благополучно. Для безопасности же было обращено особое вниманіе на самое прочное прикрѣпленіе переводинъ къ устоямъ.

Третій мостъ, съ острова Ада на правый берегъ, былъ почти оконченъ, оставалось до берега саженъ 40.

Находясь на мосту въ такомъ близкомъ разстояніи отъ берега (около 1—2 часовъ дня), я замѣтилъ, что изъ Систова масса народа, мужчинъ и женщинъ, неся на себѣ всякій домашній скарбъ, устремилась къ понтонному мосту. Народъ все прибывалъ, толпа увеличилась до давки; въ ней появились уже и буйволы, и коровы, и ослы. Всѣ стремились перебраться на лѣвый берегъ, пользуясь понтоннымъ мостомъ. Не обращая вниманія на запрещеніе одинокаго часового, стоявшаго у головы моста на правомъ берегу, мостъ переполнился народомъ такъ, что борта понтоновъ лишь немного возвышались надъ горизонтомъ воды. Чтобы удержать дальнѣйшій наплывъ толпы и спасти мостъ отъ затопленія,

потребовался цѣлый баталіонъ съ оружіемъ. Оказалось, что какой-то казакъ, безъ шапки, вѣроятно пьяный, проскакалъ по Систову, крича, что за нимъ идетъ турецкій отрядъ. Это навело на жителей такой страхъ, что они бросились спасаться, захватывая съ собою кое-какое имущество.

Эта паника открыла, что, перейдя Дунай, все двинулось впередъ, а тѣ, кому надлежало вѣдать, не подумали укрѣпить переправу хотя бы незначительными окопами и для обороны ихъ оставить небольшой отрядъ. Должно по справедливости сказать, что понтонный мостъ въ описанный день былъ спасенъ отъ потопленія лишь благодаря энергіи и распорядительности генерала Рихтера.

Послѣ описаннаго случая пріѣзжалъ на переправу генералъ Деппъ; но неизвѣстно, что онъ сдѣлалъ да и сдѣлалъ ли что-нибудь.

Наконецъ мостъ былъ совершенно оконченъ и можно было допустить по немъ движеніе.

Значительное переутомленіе, безсонныя ночи, постоянное нервное напряженіе и недостатокъ хладнокровія имѣли для генерала Рихтера то послѣдствіе, что онъ впалъ въ галлюцинацію. Такъ, однажды, возвращаясь съ нимъ въ экипажѣ изъ Зимницы къ нашимъ палаткамъ, онъ серьезно сталъ разсказывать, что когда онъ зажмуриваетъ глаза, то ему видится, что по его ладони течетъ Дунай, течетъ, течетъ и потомъ на ладони Дуная уже пѣтъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, если бы это случилось въ дѣйствительности, не нужно было бы мостовъ и мы переходили бы Дунай какъ іуден черезъ Черное море.

„Полковникъ, вскрикнулъ Рихтеръ, какъ вы можете въ шутливомъ тонѣ говорить о такихъ важныхъ вопросахъ“.

— Извините, отвѣчалъ я; но я думалъ, что вы тоже шутите.

Рихтеръ еще больше разсвирѣпѣлъ; но скоро мы доѣхали до нашихъ палатокъ и разговоръ прекратился.

Въ тотъ же день, когда большой мостъ былъ оконченъ, я провелъ по немъ, для пробы, баталіонъ въ полномъ снаряженіи, въ полу-взводной (по тогдашнему) колоннѣ и идя въ ногу.

Передъ вечеромъ ко мнѣ пріѣхали начальникъ осадной артиллеріи Моллеръ и его помощникъ Анчутинъ.

— Что? будемъ переправляться? спросили они.

— Будемъ.

— Когда?

— Да хоть сейчасъ. Только поѣдемъ доложить объ этомъ Рихтеру.

Поѣхали и доложили. Рихтеръ и слышать не хотѣлъ о переправѣ осадной артиллеріи, находя, что построенный мостъ для этого не годенъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я, постройка моста поручена мнѣ и за переправу артиллеріи отвѣчаю я, а не вы. Хотя вы и начальникъ переправы, но я вамъ никогда и никѣмъ не былъ подчиненъ; поэтому докладъ, что артиллерія будетъ переправляться завтра, есть только вѣжливость или формальность, а не испрашиваніе разрѣшенія.

„Я поставлю у головы моста баталіонъ саперъ и никого не пущу".

— А я, сказалъ Анчутинъ, сниму орудія съ передковъ и начну стрѣлять въ васъ картечью.

„Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Рихтеръ, я пущу себѣ пулю въ лобъ".

— Тогда мы совершенно свободно перейдемъ мостъ, отвѣтилъ Анчутинъ, и мы уѣхали.

Было условлено, что артиллерія снимется съ бивака на разсвѣтѣ и немедленно начнетъ переправляться. Въ тотъ же день я телеграфировалъ начальнику штаба генералу Непокойчицкому и Деппу, что мостъ готовъ и артиллерія переправится завтра.

Рано утромъ осадныя орудія, влекомыя каждое четырьмя парами быковъ, съ крикомъ погонщиковъ, со щелканьемъ кнутовъ, поднимая густыя облака пыли, стали спускаться съ горы отъ Зимницы и подошли къ головѣ моста.

Я распорядился, чтобы первое орудіе начало переходить черезъ мостъ, второе же должно было начать движеніе, когда первое будетъ уже на островѣ Бужпреско.

На каждомъ устоѣ находилось по 8 саперъ, съ молотами и клиньями, которые они должны были вбивать, въ ослабнувшіе найтовы.

Подъ тяжестью орудія мостъ съ берега на островъ Бужпреску заскрипѣлъ, но орудіе прошло благополучно, — найтовы не ослабли.

Приказавъ переправлять слѣдующія орудія въ томъ же порядкѣ, т. е. такъ, чтобы одновременно на мосту не было болѣе одного орудія, я отправился посмотрѣть, какъ они пройдутъ по плотовому мосту, между двумя островами. Здѣсь не было даже поводовъ опасаться, что орудія не пройдутъ вполнѣ благополучно.

Переходъ перваго орудія по мосту на плашкоутахъ внушалъ порядочныя опасенія; поэтому я приказалъ задержать его до моего прихода. У головы этого моста первое орудіе простояло недолго, минутъ черезъ 10—15 я подошелъ и орудіе тронулось. Мостъ сильно заскрипѣлъ, а лодки накренивались такъ, что отъ верхняго края бортовъ до горизонта воды оставалось не болѣе 2—2^1/$_2$ вершковъ. На всѣхъ устояхъ началась стукотня молотовъ по клиньямъ, подбиваемымъ подъ найтовы. Когда первое орудіе было уже на берегу, двинулось на мостъ второе. Тотъ же скрипъ тотъ же кренъ лодокъ, та же стукотня молотовъ по клиньямъ.

Ну, подумалъ я, два орудія перешли благополучно, но что будетъ, когда на мостъ въѣдетъ послѣднее, двадцатое.

За третьимъ орудіемъ я отправился самъ, желая удосто-

вѣриться, что и на прочихъ устояхъ дѣло идетъ удовлетворительно. Добравшись до берега съ третьимъ орудіемъ, я вздохнулъ почти свободно и, съ нѣкоторымъ благодушествомъ, закурилъ папиросу.

Постепенно, одно за другимъ, орудія прибывали на правый берегъ, ихъ было тамъ уже 10—12.

Пришедшій съ того берега офицеръ сказалъ мнѣ, что Рихтеръ пришелъ къ мосту и, едва отвѣтивъ на поклоны Моллеру и Анчутину, усѣлся на обрубокъ бревна, спиною къ переправѣ. Съ бывшимъ при мнѣ унтеръ-офицеромъ я послалъ Рихтеру такую записку: „12 орудій пришли благополучно на правый берегъ; остальныя переправляются; часа черезъ $1^1/_2$—2 переправа будетъ кончена. Все благополучно“. Мой посланный вернулся съ послѣдними уже орудіями и принесъ мою же записку, на которой Рихтеръ написалъ: „Не вѣрю“.

Возвратясь на лѣвый берегъ, я засталъ Рихтера сидящимъ на томъ же обрубкѣ бревна. Моллеръ и Анчутинъ встрѣтили меня крича „ура“. Рихтеръ молча принялъ мой докладъ, что артиллерія перешла по мостамъ благополучно.

При устройствѣ переправы мнѣ, какъ говорится, не везло въ начальникахъ изъ инженеровъ. Мой непосредственный начальникъ генералъ Деппъ, послѣ донесенія о томъ, какъ онъ проплылъ на понтонѣ мимо Никополя, держа въ рукахъ знамя 5-го сапернаго баталіона, о дѣятельности подчиненныхъ ему инженерныхъ офицеровъ никому ничего не доносилъ. За устройство моста, проводъ его подъ выстрѣлами съ непріятельской крѣпости, наводку его и переправу осадной артиллеріи меня, по рекомендаціи капитана 1 ранга Новосильцева, представилъ Великій Князь Алексій Александровичъ къ награжденію золотымъ оружіемъ, хотя по статуту я имѣлъ право на высшую награду. Если бы не представленіе Великаго Князя, то пожалуй и того не получилъ бы.

Не знаю какъ и почему, но при Деппѣ значеніе начальника инженеровъ дѣйствующей арміи умалилось до незамѣтной величины. Увлекаясь фантазіями, онъ утратилъ вліяніе на совершающіяся событія. Деппъ почему-то вообразилъ, что будутъ вести атаку Рущука, хотя объ осадѣ этой крѣпости даже и рѣчи не было. Осада Рущука, при чемъ онъ вѣроятно разсчитывалъ пріобрѣсть славу равную по крайней мѣрѣ той, какую стяжалъ Тотлебенъ въ Севастополѣ, сдѣлалась любимою фантазіею Деппа. Еще въ началѣ іюля, когда шли дѣятельныя работы по заготовленію недостающихъ мостовыхъ устоевъ и когда приходилось дорожить каждымъ бревномъ и доской, на переправу прибылъ посланный Деппомъ офицеръ съ требованіемъ, чтобы изъ матеріаловъ, имѣющихся для моста, было отпущено все необходимое для постройки пороховыхъ погребовъ и блиндажей, которые будутъ воздвигнуты Деппомъ въ траншеяхъ при осадѣ Рущука. Такъ какъ лишнихъ матеріаловъ, которыми можно было бы подѣлиться, не было, то прибывшему съ этимъ требованіемъ офицеру я предложилъ со мною раздѣлить хоть завтракъ. Въ моемъ отказѣ никакой бѣды не было, такъ какъ Рущукъ не осаждали, и Деппъ не пріобрѣлъ даже и тѣни славы Тотлебена.

Деппъ не былъ одаренъ блестящимъ умомъ, но обладалъ умомъ нѣмецкимъ, т. е. *тяжелымъ*, если можно такъ выразиться. При этомъ онъ несомнѣнно зналъ чѣмъ можно блеснуть. Я склоненъ думать, что кто-нибудь изъ окружающихъ имѣлъ на него нехорошее вліяніе.

Сдавъ завѣдываніе, такъ называемымъ, большимъ мостомъ капитану Главацкому, я отправился въ Горный-Студень, гдѣ находились главная квартира и всѣ полевыя управленія дѣйствующей арміи. Это было въ первыхъ числахъ сентября.

Деппъ помѣщался въ палаткѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кибитки главнокомандующаго.

Спустя немного дней по прибытіи въ Горный-Студень, я зашелъ къ Деппу незадолго передъ завтракомъ у Великаго Князя, куда Деппъ аккуратно ходилъ ежедневно. Естественно, рѣчь зашла о нашихъ неудачахъ подъ Плевной. Я воспользовался случаемъ и сталъ доказывать, что онъ, какъ начальникъ инженеровъ, не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ этихъ неудачъ. Что начальникъ Плевненскаго отряда, не будучи спеціалистомъ, могъ ошибаться въ своихъ предположеніяхъ, но что Деппу, какъ инженеру, надо подробно ознакомиться съ Плевненскою позиціею турокъ и указать какими мѣрами можно овладѣть Плевною, задерживающею ходъ кампаніи.

Долго мы разсуждали, спорили, но наконецъ мнѣ удалось убѣдить нерѣшительнаго Деппа. Онъ обѣщалъ, послѣ завтрака, испросить согласія и даже приказанія отправиться подъ Плевну осмотрѣть турецкія позиціи.

Деппъ торопливо, чтобы не опоздать, ушелъ къ Великому Князю, а я къ маркитанту, тоже завтракать.

При арміи находились полевые контролеры. Они носили очень блестящіе мундиры, за что ихъ прозвали золотой ротой, и имѣли право во всякое время невзначай контролировать интендантовъ. У маркитанта, за столомъ, рядомъ со мной усѣлся очень словоохотливый чинъ золотой роты. Зашла рѣчь о товарищахъ, т. е. о Коганѣ, Горвицѣ и К°. Чтобы картинно изобразить, какъ многіе угождаютъ этой компаніи, контролеръ разсказалъ слѣдующій случай: отъ какого-то казачьяго полка агенту „Товарищей“ была выдана слѣдующая записка: „Предъявителю сего, Гершкѣ Цукербауму, за поставленный имъ для полка фуражъ слѣдуетъ выдать 200 нагаекъ“ и подпись. Гершка русской грамоты не зналъ и представилъ записку подлежащему интенданту, который, хотя и вполнѣ грамотный, но зная, что агентамъ „Товарищей“ выдаютъ только деньги, увидѣвъ въ запискѣ

цифру, отсчиталъ Гершкѣ, вмѣсто нагаекъ, 200 полуимперіаловъ, а казацкую записку присоединилъ къ оправдательнымъ документамъ. Можетъ быть это только плодъ фантазіи контролера; но уже то, что такая фантазія родилась, позволяетъ думать, что подобные случаи бывали.

Отъ маркитанта я направился снова къ Деппу узнать результатъ. Но Деппъ сталъ объяснять, что доложить Его Высочеству ему не удалось,—помѣшали. Впрочемъ, прибавилъ Деппъ, время не ушло,—доложу завтра.

На другой и третій день, передъ завтракомъ у Великаго Князя, я приходилъ къ Деппу настаивать, чтобы онъ поступилъ по моему совѣту. Потомъ я опять приходилъ къ нему узнавать о результатѣ. На второй день—та же отговорка, что и на первый, а на третій узналъ, что Великій Князь, не дослушавъ доклада, сказалъ, что Деппъ опоздалъ, что въ армію уже потребованъ генералъ Тотлебенъ. Если бы въ моихъ жилахъ была хотя капля тевтонской крови, то можетъ быть пришлось бы вскрикнуть, какъ Шфуль въ 1812 году: „Ich sagte dass die ganze Geschichte zum Teufel gehen wird“.

Спустя нѣсколько дней Деппу было приказано ѣхать въ Зимницу встрѣтить Тотлебена. Деппъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ.

Мы встрѣтили Тотлебена въ Зимницѣ. Подъѣхавъ къ переправѣ, вышли изъ экипажей и по мостамъ прошли пѣшкомъ. Тотлебенъ, увидя саперъ 6-го баталіона, счелъ это за хорошее предзнаменованіе, такъ какъ съ этимъ же баталіономъ онъ началъ свою дѣятельность и въ Севастополѣ. Онъ остался доволенъ и мостомъ, состоявшимъ, какъ уже сказано, и изъ плотовъ, и изъ лодокъ, и изъ понтоновъ. Это свидѣтельствовало, что мостъ строился при недостаточныхъ средствахъ и все-таки былъ сооруженъ, какъ выразился Тотлебенъ.

Изъ Петербурга съ нимъ прибыли, состоявшій при немъ флигель-адъютантъ полковникъ Н. К. Шильдеръ и личный адъютантъ Тотлебена Мельницкій. Тотлебенъ, Деппъ и Шильдеръ ѣхали въ одномъ экипажѣ, а я съ Мельницкимъ въ другомъ.

Дня черезъ два главнокомандующій съ Тотлебеномъ и своимъ штабомъ отправились подъ Плевну; поѣхалъ туда и Деппъ, взявъ и меня съ собою.

Прибывъ къ Плевнѣ, всѣ расположились бивакомъ на такъ называвшейся Княжеской горѣ.

Одновременно съ нами прибылъ туда же американскій делегатъ. На него нельзя было не подивиться. Онъ и сопровождавшій его русскій отставной солдатъ пріѣхали оба верхомъ; солдатъ велъ еще въ поводу сильную вьючную лошадь. Американецъ остановился шагахъ въ 10 отъ моей палатки. Пока наши денщики суетились, разбирая багажъ, и устанавливали палатки, я наблюдалъ за американцемъ, который помогалъ своему солдату разбирать вьюкъ и разсѣдлывать лошадей. Во вьюкѣ нашлась палатка, подъ которой съ трудомъ и почти вплотную могло помѣститься два человѣка; нашелся войлокъ въ непромокаемомъ мѣшкѣ, нашлись кострюлька и фляга. Все это обыкновенное явленіе въ походной жизни; но было странно, что американецъ говорилъ безъ умолка по-англійски, а солдатъ усердно поддерживалъ разговоръ по-русски. Это впрочемъ не была безтолковая болтовня. Американецъ, напримѣръ, говоритъ, дополняя мимикой, нельзя ли купить говядины? Солдатъ, поразмысливъ, на это отвѣчаетъ: ну, братъ, насчетъ этого трудно; вишь сколько понаѣхало.

Слѣдующіе два дня пошли на объѣздъ позицій и осмотръ расположенія нашихъ войскъ. Въ концѣ второго дня, возвратясь на бивакъ, Великій Князь собралъ совѣтъ, на которомъ присутствовали: Тотлебенъ, Непокойчицкій, Криде-

неръ и еще два, три генерала, фамиліи которыхъ не припомню. Знаю только, что пока совѣтъ разсуждалъ, начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, въ составъ совѣта не приглашенный, молча бродилъ около палатокъ.

На совѣтѣ Тотлебенъ предложилъ отказаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій, обложить Плевну съ западной стороны, отрѣзать Осману-пашѣ всѣ сообщенія и ждать, чтобы турки, съѣвъ послѣдній сухарь, сдались военноплѣнными. Это предложеніе было принято и утверждено. Оставалось привести его въ исполненіе.

Обложеніе Плевны съ западной стороны, т. е. на лѣвомъ берегу Вида, чтобы лишить турокъ сообщенія съ Софіею, было поручено генералу Гурко, подъ начальствомъ котораго въ то время находились всѣ войска гвардейскаго корпуса, сосредоточенныя у Горнаго-Студня.

По какой-то неизвѣстной причинѣ, при отрядѣ генерала Гурко находился и начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи. Онъ взялъ съ собою меня, Рыдзевскаго, Битнера и, кажется, еще кого-то изъ инженерныхъ офицеровъ. Мы отправились изъ Горнаго-Студня съ такимъ расчетомъ времени, чтобы 10 октября быть въ Іене-Баркачѣ, лежащемъ къ юго-западу отъ Плевны, въ разстояніи около 18 верстъ. Въ это время туда подошли уже всѣ гвардейскія войска и имѣли дневку. Утромъ 11 числа Деппъ направилъ меня въ штабъ отряда справиться о часѣ, назначенномъ для выступленія. Около дома, въ которомъ помѣщался начальникъ отряда и его штабъ, я встрѣтилъ генерала Гурко, задумчиво прогуливавшагося. Когда я отдалъ честь, генералъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „съ кѣмъ имѣю честь?“ Я назвалъ свою фамилію. „По какому случаю?“ послѣдовалъ новый вопросъ. Отъ генерала Депна за приказаніями. „Вотъ здѣсь штабъ“, сказалъ генералъ и указалъ на дверь дома.

Въ комнатѣ, гдѣ помѣщались и канцелярія и квартира Нагловскаго, я засталъ послѣдняго на кровати, въ одномъ бѣльѣ; онъ, проснувшись и не вставая съ постели, диктовалъ приказанія. Отъ него я узналъ, что начальникъ отряда и всѣ при немъ состоящіе тронутся съ мѣста въ 3 часа пополудни и, предварительно, направятся къ дер. Медованъ, чтобы съ находящагося тамъ высокаго холма, который впослѣдствіи называли Сахарною Головой, осмотрѣть лѣвый берегъ Вида; потомъ направятся къ дер. Чирково, на Видѣ, куда вечеромъ подойдутъ и всѣ войска, назначенныя для атаки Горнаго-Дубняка или, правильнѣе, редута, построеннаго вблизи Софійскаго шоссе, за сѣверной опушкой небольшой рощи молодыхъ дубковъ. По прибытіи въ Чирково начальникъ отряда осмотрѣлъ также броды на Видѣ, обозначенные вѣшками.

Въ Іепе-Баркачѣ я и Рыдзевскій стояли въ одной избѣ и передъ выступленіемъ держали совѣтъ, не слѣдуетъ ли взять съ собою, въ кобуры сѣделъ, какую-нибудь провизію. Въ виду трудности добыть что-нибудь съѣдобное, а также и потому, что Деппъ слегка намекнулъ, чтобы мы ни о чемъ не заботились, мы рѣшили, что слѣдуетъ положиться на него. Ночь была холодная, все покрылось инеемъ, и всѣ порядкомъ продрогли. Деппъ и мы сидѣли въ шалашѣ изъ соломы. Ѣсть было нечего, а въ соломенномъ шалашѣ и курить нельзя было. Выйдя изъ шалаша, я ходилъ взадъ и впередъ по побѣлѣвшей отъ инея дорогѣ, утоляя голодъ табачнымъ дымомъ. Блуждая, я наткнулся на палатку, въ которой нѣсколько штабныхъ и ординарцевъ Гурко пили водку, чай и чѣмъ-то заѣдали. Между ними были и мои знакомые. Они пригласили меня зайти къ нимъ и угостили чѣмъ Богъ послалъ. Какъ вышелъ изъ труднаго положенія Рыдзевскій, недоумѣваю; знаю только, что Деппъ самъ не ѣлъ и никому не предлагалъ угощенія.

Съ бивака у Чирикова войска тронулись до разсвѣта, перешли Видъ и начался бой подъ Горнымъ-Дубнякомъ.

Объ этомъ боѣ много и говорили, и писали, но, къ сожалѣнію, больше охуждали, нежели хвалили. На то, что было говорено и писано, можно только повторить старинную пословицу: la critique est aisée, l'art est difficile. И это особенно вѣрно относительно разборовъ сраженій. Разбирая сраженіе, критикъ имѣетъ открытыя карты обѣихъ сторонъ и можетъ не только все браковать, но и давать чрезвычайно благоразумные совѣты; но во время самаго сраженія, особенно въ началѣ, атакующій можетъ только предполагать, догадываться о томъ, что дѣлаетъ противникъ и, слѣдовательно, нерѣдко ошибаться; во время самаго боя исправлять ошибку, сдѣланную въ началѣ и даже иногда до начала боя, бываетъ не всегда возможно.

Можетъ быть, только что сказанное строгій критикъ признаетъ пустыми фразами; ну и Богъ съ нимъ. Дѣло все-таки въ томъ, что Горный-Дубнякъ взятъ со всѣмъ его гарнизономъ, и полное обложеніе Плевны совершилось.

Критику, который скажетъ: однако, какими огромными потерями эта побѣда сопровождалась! На это можно сказать: поѣзжайте на мѣстность, на которой происходилъ бой, и можетъ быть убѣдитесь, что иначе и быть не могло.

Послѣ взятія Горнаго-Дубняка въ ночь на 13 октября я получилъ приказаніе завѣдывать саперными работами на позиціяхъ, занятыхъ полками 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Это было легко приказать, но трудно исполнять, по неимѣнію шанцеваго инструмента. Хотя гвардейскій саперный баталіонъ и входилъ въ составъ отряда, бывшаго подъ Горнымъ-Дубнякомъ, но обозъ его и инструментальныя фуры оставались на правомъ берегу Вида. Поэтому въ турецкій редутъ была послана рота семеновцевъ собирать оставленный турками шанцевый инструментъ.

Полки 1-й бригады 1-й гвардейской дивизіи стали фронтомъ къ Дольнему-Дубняку; преображенцы упирались лѣвымъ флангомъ въ оврагъ; правѣе преображенцевъ стали семеновцы. Къ полудню оба полка окопались. Для артиллеріи тоже были насыпаны эполементы. Правѣе расположенія Семеновскаго полка, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ его праваго фланга, находилась долина р. Вида, скрытая высокимъ ея берегомъ; по этой долинѣ турки изъ Плевны и Дольняго-Дубняка могли обойти правый флангъ нашей позиціи.

Я доложилъ объ этомъ начальнику штаба отряда, генералу Нагловскому, и онъ приказалъ удлинить фронтъ, поставивъ правѣе семеновцевъ еще Измайловскій полкъ.

Въ ночь (если память мнѣ не измѣняетъ) на 16 число, въ долинѣ Вида были замѣчены какое-то движеніе и шумъ, производимый двигающимися войсками. Поэтому было приказано къ боевой линіи придвинуть резервы. Это происходило въ такую темную ночь, что, сидя верхомъ на лошади, съ большимъ трудомъ можно было видѣть ея уши. Тревога оказалась фальшивою; но должно сказать, что она была и полезною, потому что указала мѣры, которыя слѣдовало принять на будущее время, чтобы избѣжать путаницы, обнаружившейся во время фальшивой тревоги.

16 числа взятъ Телишъ; гарнизонъ его сдался послѣ сильнаго, хотя и непродолжительнаго бомбардированія. Такимъ же способомъ имѣли въ виду овладѣть и Дольнимъ-Дубнякомъ.

17 октября меня послали выбрать мѣста для эполементовъ, съ которыхъ наша артиллерія могла бы бомбардировать всѣ пять небольшихъ редутовъ, построенныхъ вокругъ Дольняго-Дубняка. Къ устройству этихъ эполементовъ предполагали приступить утромъ 18-го. На разсвѣтѣ этого дня я отправился къ избраннымъ для артиллеріи мѣстамъ, чтобы

начать насыпку эполементовъ. Еще издали было видно, что находившійся тамъ въ дежурной части баталіонъ Преображенскаго полка былъ построенъ въ колонну. Командиръ баталіона, полковникъ Стрезовъ, сообщилъ мнѣ, что ночью онъ ясно слышалъ на шоссе стукъ экипажа и повозокъ, направлявшихся къ Плевнѣ, и что, когда разсвѣло, на редутахъ не было видно ни одного турка. Тогда были вызваны охотники осмотрѣть редуты. Скоро они донесли, что ни въ редутахъ, ни въ деревнѣ турокъ нѣтъ, что на улицахъ валяется только нѣсколько турецкихъ и болгарскихъ труповъ и, наконецъ, что, заглянувъ въ нѣкоторые сараи и кладовыя, они видѣли тамъ закромы, полные кукурузы и ячменя. Это свидѣтельствовало, что турки оставили Дольній-Дубнякъ второпяхъ, не забравъ и не уничтоживъ запасы.

Съ этимъ извѣстіемъ поскакали въ штабъ отряда и, по его распоряженію, весь отрядъ (1-я гвардейская пѣхотная дивизія) двинулся къ Дольнему-Дубняку и, пройдя эту деревню, сталъ располагаться по предположенной линіи обложенія Плевны. Правѣе всѣхъ стали преображенцы, имѣя правый флангъ почти на самомъ краю спуска въ долину Вида, на небольшомъ холмѣ. Общее направленіе фронта шло отъ этого пункта (впослѣдствіи носившаго названіе редута Кіевскаго гренадерскаго полка) на курганъ, называвшійся Копаной могилой. Лѣвѣе преображенцевъ стали семеновцы и измайловцы. Немедленно было приступлено къ постройкѣ укрѣпленій, состоявшихъ изъ батарей и траншей. Только на нѣкоторыхъ пунктахъ, имѣвшихъ тактическое значеніе, устраивались укрѣпленія, открытыя съ горжи, почти полевой профили. Линія обложенія, занимаемая 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей, была длиною около 4-хъ верстъ. Лѣвѣе гвардейцевъ стояла уже 3-я гренадерская дивизія, упирая свой лѣвый флангъ въ ручей, протекающій черезъ Дольній-Нетрополь и впадающій въ Видъ. Эта линія проходила въ

порядочномъ разстояніи впереди Дольняго-Нетрополя. Еще лѣвѣе, за ручьемъ, до Вида, стояли румыны. На лѣвомъ берегу Вида линія обложенія, занимаемая гвардейцами и гренадерами, была длиною около 8-ми верстъ.

Отъ праваго фланга преображенцевъ до р. Вида, въ его долинѣ, стояла 2-я бригада 3-й гвардейской дивизіи.

Такимъ образомъ черезъ 2—3 дня послѣ того, какъ турки добровольно очистили Дольній-Дубнякъ, кольцо, охватывавшее Плевну, было окончательно замкнуто и Османъ-паша лишился всѣхъ своихъ сообщеній.

Лѣвый берегъ Вида, въ предѣлахъ расположенія нашихъ войскъ обложенія, довольно правильно и не круто спускается къ Виду. Потомъ, по направленію рѣки и мѣстами въ большомъ отъ нея разстояніи, мѣстность круто спускается, образуя значительную и по крутизнѣ, и по высотѣ, складку мѣстности, за которой скрывается низменный берегъ Вида или дно его долины. Напротивъ, правый берегъ, начинаясь у самой рѣки, круто подымается на довольно большую высоту. Поэтому, для того, чтобы съ нашей стороны можно было обстрѣливать турецкія укрѣпленія, построенныя на самыхъ высокихъ точкахъ праваго берега, мы должны были линію обложенія подать назадъ, черезъ что увеличилась и общая длина всего нашего расположенія.

Около того времени, когда наши войска расположились впереди Дольняго-Дубняка, меня потребовали въ штабъ отряда обложенія, который находился въ дер. Тученицы. Тамъ я остановился у Н. К. Шильдера, отъ котораго удавалось узнавать разныя новости, болѣе или менѣе интересныя.

Генералъ Тотлебенъ приказалъ мнѣ оставаться въ Тученицѣ, пока онъ самъ не поѣдетъ на лѣвый берегъ Вида и, въ ожиданіи чего, поручилъ мнѣ составить чертежи типовъ батарей, траншей и т. п. по тѣмъ указаніямъ, кото-

рыя онъ мнѣ далъ. Пришлось пробыть въ Тученицѣ дня четыре, а затѣмъ, представивъ чертежи, отправиться въ Тернинъ ожидать тамъ Тотлебена.

Въ этотъ промежутокъ времени гвардейскій отрядъ ушелъ къ Софіи, а на линію обложенія, вмѣсто 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вступила 2-я гренадерская. Въ Дольній-Дубнякъ прибылъ также и командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ И. С. Ганецкій.

Отправясь изъ Тученицы рано утромъ, я въ тотъ же день къ вечеру пріѣхалъ въ Тернинъ. На слѣдующее утро туда прибыли генералъ Ганецкій и начальники гренадерскихъ дивизій: 2-й — генералъ Свѣчинъ и 3-й — генералъ М. П. Даниловъ. Почти вслѣдъ за ними пріѣхалъ и генералъ Тотлебенъ. Послѣ представленія командира корпуса и начальниковъ дивизій, Тотлебенъ обратился къ Ганецкому и объяснилъ ему свои предположенія, а затѣмъ, указавъ на меня, сказалъ: полковникъ Мазюкевичъ назначенъ мною завѣдывать всѣми саперными работами на участкѣ гренадерскаго корпуса; онъ имѣетъ отъ меня всѣ необходимыя указанія. Прошу васъ содѣйствовать и помогать ему.

Тотлебенъ по опыту, конечно, зналъ, что между войсковыми начальниками и инженерными офицерами нерѣдко происходятъ недоразумѣнія. Его фраза, обращенная къ Ганецкому, много облегчила исполненіе возложеннаго на меня дѣла.

Осмотрѣвъ линію, на которой расположились гренадеры, Тотлебенъ приказалъ выдвинуть ее впередъ и, сдѣлавъ еще нѣкоторыя указанія относительно устройства на ней укрѣпленій, отправился на румынскій участокъ.

Порученная мнѣ линія обложенія, какъ уже сказано, была длиною до 8-ми верстъ. Въ мое распоряженіе была прислана рота саперъ (4-го баталіона), при которой кромѣ командира роты было три или четыре младшихъ офицера.

Кромѣ того ко мнѣ въ помощники назначили капитана Битнера.

П. С. Гапецкій, хотя иногда и любилъ покричать, но въ душѣ былъ добрѣйшій, гостепріимный и внимательный человѣкъ. Въ самомъ началѣ онъ пригласилъ меня пріѣзжать къ нему ежедневно обѣдать. Я отказался, отговариваясь тѣмъ, что, проводя на лошади весь день, съ утра до вечера, я не всегда бываю свободенъ въ обѣденное время и, что кромѣ того, обѣдая дома, хотя очень невкусно, но зато могу быть безъ сюртука и съ послѣдней затяжкой папиросы могу немедленно повалиться на кровать и заснуть полчасика. Эта откровенность развеселила старика и, похлопавъ меня по плечу, онъ сказалъ: „Это вѣрно, полковникъ, совершенно вѣрно; служба прежде всего“.

Не легко было справиться съ укрѣпленіемъ линіи обложенія на протяженіи 8-ми верстъ. Приходилось самому дѣлать разбивку почти каждаго укрѣпленія, каждой траншеи, имѣя помощниками трехъ молодыхъ саперныхъ офицеровъ. При мнѣ состоялъ еще, какъ уже сказано, капитанъ Битперъ, но отъ него было мало пользы. Для подтвержденія приведу слѣдующій случай. Однажды, пригласивъ къ себѣ въ палатку всѣхъ состоящихъ при мнѣ офицеровъ для отдачи имъ нѣкоторыхъ приказаній, я замѣтилъ Битнеру, что, пріѣхавъ на дняхъ на его участокъ, я увидѣлъ, что смѣну рабочихъ дѣлаетъ саперный унтеръ-офицеръ. Поэтому строевые офицеры были правы, держась въ сторонѣ и относясь безучастно къ смѣнѣ рабочихъ. Унтеръ-офицеръ кричалъ, суетился, а толку не выходило. Считая это безпорядкомъ, я требовалъ, чтобы при смѣнѣ рабочихъ непремѣнно присутствовали офицеры. Битперъ на это замѣтилъ, что при смѣнѣ онъ никакъ присутствовать не можетъ, потому что смѣна производится въ такое время, когда онъ *долженъ обѣдать* у корпуснаго командира. Битнера оправдывало лишь

то, что онъ дѣйствительно любилъ поѣсть и при этомъ заявить, что онъ женатъ на красавицѣ, дочери придворнаго священника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Битперъ перерѣзалъ себѣ горло и отправился къ праотцамъ. Да проститъ ему Богъ всякія прегрѣшенія.

Весь гренадерскій участокъ линіи обложенія былъ раздѣленъ поровну между обѣими дивизіями. Каждая изъ нихъ постоянно занимала свою часть двумя полками, а два другихъ оставались въ резервѣ; полки смѣнялись черезъ 24 часа. Къ такой утомительной службѣ присоединилась перемѣнчивая, сырая погода и въ полкахъ было много больныхъ. Явилась настоятельная необходимость, какимъ бы то ни было способомъ, облегчить службу полковъ.

Около 24 ноября, часовъ въ 6 вечера, казакъ привезъ мнѣ изъ штаба корпуса записку, въ которой было сказано, чтобы я немедленно прибылъ къ генералу Ганецкому. Ну, подумалъ я, вѣроятно получено извѣстіе, что турки намѣрены сдѣлать усиленную вылазку. Вслѣдъ за мной прибыли къ генералу Ганецкому начальники обѣихъ дивизій, пришелъ и начальникъ корпуснаго штаба. Когда всѣ усѣлись, генералъ прочелъ намъ полученную имъ отъ генерала Тотлебена телеграмму. Въ ней было сказано, чтобы, въ виду облегченія войскъ, сдѣлать неотлагательно слѣдующее распоряженіе: для занятія укрѣпленій назначать отъ каждой дивизіи одинъ полкъ, а другой оставлять въ резервѣ, въ полной готовности къ выступленію по первому требованію; два же остальныхъ полка каждой дивизіи должны оставаться на бивакѣ, на полномъ отдыхѣ. Едва была прочтена эта телеграмма, генералъ Свѣчинъ сталъ возражать, что въ случаѣ вылазки турокъ, пока подойдетъ резервъ, полкъ, занимающій укрѣпленія, будетъ опрокинутъ. Послѣ нѣсколько продолжительныхъ разсужденій на ту же тему, сперва рѣшили телеграфировать Тотлебену, что его распоряженія исполнить

пельзя. Потомъ нашли, что лучше послать къ нему начальника корпуснаго штаба лично доложить о томъ же, но бо-бѣе подробно. Въ теченіе всего времени, я только слушалъ, не сказавъ ни слова. Тогда генералъ Ганецкій обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „а вы, полковникъ, какого мнѣнія?“

— Я полагаю, что прежде всего надо исполнить приказаніе начальника отряда обложенія, а послѣ, пожалуй, можно просить объ измѣненіи или даже объ отмѣнѣ первоначальнаго приказанія. Начальникъ отряда, вѣроятно, имѣетъ основаніе дѣлать такое распоряженіе, былъ мой отвѣтъ.

Поговоривъ еще немного объ опасности имѣть въ укрѣпленіяхъ по одному полку отъ дивизіи, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и направились къ двери. Какъ младшій, я пропустилъ впередъ генераловъ и, когда хотѣлъ слѣдовать за ними, почувствовалъ, что меня удерживаютъ за рукавъ; я обернулся, это былъ генералъ Ганецкій.

— Это, полковникъ, совершенно вѣрно, сказалъ почтенный Иванъ Степановичъ, прежде исполняй приказаніе, а потомъ проси объ измѣненіи его. Это вѣрно.

— Такъ точно. Это вѣрно всегда, а на войнѣ еще больше, чѣмъ во всякомъ другомъ случаѣ.

— Благодарю васъ, полковникъ. Поѣзжайте домой и ложитесь спать. До свиданія, попрощался со мной генералъ.

На дворѣ моросилъ дождь и была такая тьма, что если бы не костеръ, горѣвшій почти у самаго крыльца, то было бы не легко попасть ногою въ стремя. Выѣхавъ со двора, слѣдовало проѣхать по грязному переулку, потомъ по шоссе добраться до околицы деревни и затѣмъ свернуть на дорогу, ведущую къ биваку саперной роты, гдѣ была и моя палатка. Этотъ послѣдній участокъ дороги пересѣкала небольшая, но съ болотистымъ дномъ канава, на которой былъ мостикъ, шириною 1—1½ шага. Такъ какъ, выѣхавъ на шоссе, я не слышалъ, чтобы казакъ слѣдовалъ за мной, то

окликнулъ его; отвѣта не послѣдовало. Немного спустя казакъ догналъ меня.

— Эй, Прутковъ, ты видишь дорогу?

— Такъ точно; какъ не видѣть.

— Скажи, когда будетъ нужно сворачивать къ биваку.

— Слушаю, ваше вскобродіе.

Проѣхали еще немного, и казакъ крикнулъ.

— Направо, ваше вскобродіе.

— Прутковъ, мостикъ видно?

— Видать.

— Ну, такъ поѣзжай впередъ, а я за тобой; да смотри, чтобы не попасть въ канаву.

— Никакъ нѣтъ; помилуйте, зачѣмъ!

— Почему ты оставался на дворѣ корпуснаго, а не ѣхалъ вслѣдъ за мной?

— Сѣдло поправить надо было.

Пріѣхали. Пламя костра освѣтило Пруткова и я замѣтилъ, что онъ держитъ бревно, положенное поперекъ на луку сѣдла.

— А это что?

— Топливо, ваше вскобродіе.

— Какое топливо? Гдѣ ты взялъ бревно?

— Это, ваше вскобродіе, я у корпуснаго съ конюшни стропило спялъ. Все равно недолго тутъ оставаться, а у насъ и самовара вскипятить нечѣмъ; кукурузныя шишки давно всѣ пожгли.

Подъѣхавъ рано утромъ, 26 ноября, къ центру нашего расположенія, откуда виденъ былъ мостъ на рѣкѣ Видѣ, я замѣтилъ, что рядомъ съ этимъ деревяннымъ на каменныхъ устояхъ мостомъ турки устанавливаютъ другой мостъ, на деревянныхъ козлахъ. Помѣшать этой работѣ артиллерійскимъ огнемъ было невозможно, по причинѣ большого разстоянія отъ нашихъ батарей до мостовъ.

Я поѣхалъ доложить объ этомъ генералу Ганецкому.

Отъ него я узналъ также, что еще накануѣ послѣдовало распоряженіе перевести румынскія войска, стоявшія лѣвѣе 3-й гренадерской дивизіи, на правый берегъ Вида и что на ихъ мѣстахъ уже стоитъ бригада 5-й дивизіи, именно Архангелогородскій и Вологодскій полки.

Слѣдовало заключить, что въ штабѣ отряда обложенія было извѣстно, что турки намѣрены пробиваться сквозь блокаду въ сѣверо-западномъ направленіи, на Рахово. Въ этомъ предположеніи убѣждало и то, что была сдѣлана проба, во сколько времени 16-я пѣхотная дивизія можетъ прибыть кратчайшимъ путемъ съ Зеленыхъ горъ къ правому флангу 2-й гренадерской дивизіи и стать за Кіевскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Около того же времени въ распоряженіе генерала Ганецкаго былъ присланъ генеральнаго штаба полковникъ Фрезе.

Со стороны Плевны доносился шумъ и скрипъ колесъ турецкихъ арбъ, которыя собирались на отлогости, влѣво отъ шоссейной дороги непосредственно у выхода изъ Плевны. Эта отлогость не была видна ни съ одного пункта линіи обложенія.

Все указывало, что выступленіе турокъ слѣдовало ожидать съ часу на часъ.

Дѣйствительно, передъ разсвѣтомъ, 28-го числа, турки перешли Видъ и направились на расположеніе 3-й гренадерской дивизіи. Въ этотъ день Плевна пала, и вся 30—35 тысячная армія Османа-паши сдалась военно-плѣнными. Это былъ послѣдній, нанесенный туркамъ тяжелый ударъ, послѣ котораго до самаго Адріанополя наши войска хотя иногда встрѣчали болѣе или менѣе упорное, но уже непродолжительное сопротивленіе. Паденіе Плевны послужило какъ бы сигналомъ, послѣ котораго турки оставили Арабъ-Конакъ,

Шипку и другіе пункты. Отъ Адріанополя же до Санъ-Стефано наши войска не встрѣчали уже никакого сопротивленія.

Пока главная квартира и всѣ полевыя управленія стояли въ Адріанополѣ, я былъ посланъ осмотрѣть такъ называемый Твардицкій перевалъ, съ цѣлью удостовѣриться, не могутъ ли по этому перевалу пройти артиллерійскіе обозы (зарядные ящики), оставшіеся по сѣверную сторону Балканъ. Исполняя это порученіе, мнѣ пришлось побывать въ городѣ Сливнѣ. Тамъ на ночь меня пріютилъ генералъ Даме. Онъ помѣщался въ томъ самомъ домѣ, гдѣ въ 1829 году жилъ гр. Дибичъ-Забалканскій. По возвращеніи въ Адріанополь, дѣло уже стояло такъ, что всѣ чины, не состоявшіе въ строевыхъ войскахъ, переѣхали въ Санъ-Стефано по желѣзной дорогѣ.

Въ Санъ-Стефано жизнь проходила совершенно мирно; усиленная дѣятельность настала лишь для дипломатовъ, такъ какъ шла рѣчь о Санъ-Стефанскомъ прелиминарномъ мирѣ. Всѣ же не-дипломаты скучали и отъ нечего дѣлать ходили безъ всякой цѣли; а если иногда и рождалась цѣль, то она почти исключительно заключалась въ отысканіи свѣжихъ устрицъ или омаровъ, которыхъ вытаскивали живыми изъ кадокъ съ морской водой и варили въ присутствіи желающихъ полакомиться.

Въ день покушенія на священную особу Императора Александра II, 4 апрѣля, и въ память избавленія Его Величества отъ опасности, въ греческой церкви наше духовенство служило обѣдню и молебствіе, послѣ чего состоялся парадъ отъ гвардейскихъ полковъ.

Наконецъ насталъ день подписанія прелиминарнаго мира. Съ утра войска сняли свои палатки и были выведены въ поле; пѣхота съ полнымъ числомъ патроновъ въ сумкахъ, а артиллерія съ передками, полными зарядовъ. Правый

флангъ былъ очень недалеко отъ шоссе, идущаго отъ Санъ-Стефано въ Константинополь. Видно было, какъ по шоссе, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, много разъ проѣзжала взадъ и впередъ карета, въ которой сидѣли турецкіе чиновники. Время между тѣмъ шло и никакой перемѣны не послѣдовало. Часовъ около 3—3½ изъ города, по шоссе, выѣхалъ главнокомандующій со своей свитой и остановился, не съѣзжая съ дороги, немного впереди фронта выстроившейся арміи. Великій Князь, обращаясь къ сопровождавшимъ его, съ жаромъ о чемъ-то говорилъ, даже размахивалъ руками. Нѣкоторые, мнящіе себя всезнающими, впослѣдствіи говорили, что разсерженный медленностью и увертками турокъ, Великій Князь объявилъ, что если къ такому-то часу ему не будетъ врученъ подписанный договоръ, то онъ прикажетъ всѣмъ войскамъ наступать на Константинополь. Около 5-ти часовъ вечера въ Санъ-Стефано промчалась карета, кажется сопровождаемая небольшимъ конвоемъ, а черезъ нѣсколько минутъ изъ Санъ-Стефано выѣхала, въ карьеръ, открытая коляска, въ которой стоялъ гр. Н. А. Игнатьевъ, съ обнаженной головой, держа въ рукахъ листъ бумаги. Принявъ бумагу, привезенную Игнатьевымъ, Его Высочество повернулъ лошадь къ войскамъ, снялъ фуражку и, махнувъ какъ ею, такъ и сложеннымъ вчетверо листомъ бумаги, что-то прокричалъ. Хотя крика никто не разобралъ, но всѣмъ было ясно, что миръ заключенъ. На привѣтствіе Великаго Князя послѣдовало громкое „ура“; оно переходило отъ одной части войскъ къ другой и долго не умолкало.

Главнокомандующій пожелалъ пропустить мимо себя всѣ войска, чтобы лично поздравить съ заключеніемъ мира каждую часть.

Послѣднія части войскъ проходили мимо Его Высочества, когда было уже темно.

Въ теченіе этого достопамятнаго дня погода мѣнялась

нѣсколько разъ: ясная и теплая смѣнялась дождемъ съ холоднымъ вѣтромъ. Почти всѣ, а во всякомъ случаѣ большая часть бывшихъ на парадѣ, стремительно направились праздновать заключеніе мира въ устроенный на русскій ладъ ресторанъ Боске. Желающихъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ было такъ много, что скоро истощились всѣ запасы ресторана, и содержатель его телеграммою потребовалъ изъ Константинополя резервы, которые въ скоромъ времени и прибыли на экстренномъ пароходѣ. Празднество начинало приходить къ концу, какъ въ залъ вошелъ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ и громкимъ голосомъ поздравилъ пировавшихъ съ окончаніемъ трудной военно-походной жизни. Въ огонь было подлито масло: пиръ возобновился съ новой силой. Восторженная молодежь подхватила графа на руки и при крикахъ „ура" перенесла его въ домъ, гдѣ онъ квартировалъ [1]).

На слѣдующее утро объяснилось, что графъ Павелъ Андреевичъ, возвращаясь отъ Его Высочества, замѣтилъ, что ресторанъ ярко освѣщенъ и оттуда слышался нестройный шумъ. Узнавъ, что въ ресторанѣ собрались праздновать заключеніе мира, графъ пожелалъ лично поздравить молодежь, къ которой онъ всегда былъ весьма внимателенъ.

Скоро послѣ заключенія мира было дозволено (кажется неофиціально) увольнять офицеровъ на короткое время въ Константинополь. Сперва разрѣшали ѣздить туда въ партикулярномъ платьѣ, а потомъ разрѣшили и въ военномъ. Въ тотъ же день на улицахъ Сапъ-Стефано, на разостланныхъ коврахъ, гдѣ продавались разныя вещи (бирюза, кальяны, трубки, табакъ, женскіе турецкіе костюмы и т. п.), появилось и штатское платье. Ежедневно пароходъ и поѣзда желѣзной дороги увозили множество нашихъ переодѣтыхъ офи-

[1]) Квартира графа была почти противъ ресторана Боске.

церовъ. Нужно замѣтить, что во время похода по Болгаріи, отъ Дуная до Санъ-Стефано, мало представлялось случаевъ бросать деньги, какъ говорится, зря; поэтому было съ чѣмъ ѣздить въ Константинополь, откуда многіе возвращались какъ бы освѣженными, а кто, не воздержась, въ теченіе нѣсколькихъ дней проведенныхъ въ султанской столицѣ a brulé la bougie des deux bouts, тотъ, конечно, возвращался въ пасмурномъ настроеніи духа.

Еще во время перемирія, когда главная квартира находилась въ Адріанополѣ, туда явился изъ Константинополя весьма приличный грекъ и открылъ на скорую руку лавку, въ которой продавались вина, всякія деликатесы, сигары, рукодѣльныя произведенія турчанокъ, турецкіе костюмы отъ туфель до фески и т. п. Въ этой лавкѣ всегда можно было встрѣтить множество офицеровъ и въ числѣ ихъ даже очень высокопоставленныхъ лицъ. Одни покупали очень диковинныя вещи; болѣе же положительные усаживались за столъ, стоявшій по серединѣ лавки, и пили вино, закусывая разными снадобьями, служащими для разстройства желудка. Часто бывая въ этой лавкѣ, я познакомился съ хозяиномъ, говорившимъ по-французски. Однажды онъ предложилъ мнѣ свою карточку, прося побывать у него, когда вступимъ въ Константинополь. Да почему вы думаете, что мы вступимъ въ Константинополь, спросилъ я. „Oh, là-dessus il n'y a aucun doute," отвѣтилъ грекъ и прибавилъ: „жаль, что не идете туда теперь же. Все христіанское населеніе приготовилось встрѣтить васъ съ хлѣбомъ-солью".

Пріѣхавъ въ Константинополь, я отыскалъ моего грека. Онъ встрѣтилъ меня радушно. Въ тотъ же день прикомандировалъ ко мнѣ своего молодого брата въ качествѣ проводника и пригласилъ къ обѣду въ 7 часовъ вечера. Мой чичероне живо отыскалъ пару верховыхъ лошадей и нѣмаго проводника—мальчика-турка. Хотя по временамъ мы ѣхали

рыцей, но нашъ мальчуганъ, пробѣгая множествомъ закоулковъ и проходныхъ дворовъ, черезъ небольшіе промежутки времени всегда появлялся впереди насъ.

Сперва мы направились къ Софіи; но попасть въ этотъ древній храмъ не могли, потому что вслѣдствіе скопленія въ султанской столицѣ большого количества народу, въ соборѣ помѣщались больные тифомъ и оспою; пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ. Стѣна, окружающая Константинополь и много вѣковъ защищавшая Византію отъ внѣшнихъ враговъ, прикрываетъ ее съ сѣвера, запада и юга. Она, какъ извѣстно, тянулась отъ Чернаго до Мраморнаго моря. Теперь отъ этой стѣны осталась только часть, охватывающая древнѣйшую часть города, лежащую отъ западной стороны, такъ называемаго, Золотого Рога. Мѣстами стѣна полуразрушена; въ другихъ мѣстахъ, особенно по берегу Мраморнаго моря, къ ней прилѣпились грубыя каменныя стѣны, образуя жалкія жилища, большею частью населенныя христіанами. Мой проводникъ не могъ даже приблизительно указать воротъ, на которыхъ висѣлъ щитъ Олега. Такимъ образомъ, осмотръ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ древностей далеко не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ, хотя на это было употреблено часовъ 8—9 времени.

На греческомъ обѣдѣ присутствовали два старыхъ, должно быть именитыхъ, почтенныхъ грека. Они подтверждали слова хозяина, что русскихъ приготовились встрѣчать хлѣбомъ-солью и вступленію русскихъ въ Константинополь турки не могли бы оказать препятствія.

По совѣту моего пріятеля грека, послѣ обѣда я отправился въ театръ, почему-то называемый „хрустальнымъ дворцомъ“, слушать французскую оперетку на турецкомъ языкѣ. Давали „Petit Faust“. Содержатель театра, вѣроятно, чтобы удовлетворить мѣстному вкусу, не заботился о голосахъ

своихъ пѣвцовъ; онъ старался только, чтобы на сценѣ появлялись молодыя и красивыя актрисы; пѣвцы же, дюжіе восточные люди, имѣли такія же синія бороды, какъ у продавцовъ халвы въ Петербургскомъ гостиномъ дворѣ, на вербной недѣлѣ. Въ огромномъ фойе, установленномъ небольшими столиками для публики, тоже устроенъ помостъ, на которомъ въ антрактахъ поютъ шансонетки, кувыркаются клоуны и гимнасты или играетъ женскій оркестръ. Публика, усѣвшись за столиками, пьетъ, ѣстъ, куритъ папиросы; кругомъ говоръ на всѣхъ языкахъ. Въ описываемое время больше другихъ слышалась рѣчь русская, а за нею второе мѣсто занималъ пѣвучій говоръ итальянцевъ. Нѣмцы, хриплымъ голосомъ, громко выкрикивали: das Bier; итальянки требовали lait de poule, т. е. пойло, составленное изъ стакана горячаго молока съ разболтаннымъ въ немъ сырымъ яйцомъ; англичане процѣживали сквозь зубы: some cherry please. Едва ли найдется городъ, въ ресторанахъ и гостиницахъ котораго масса слугъ и служанокъ говорила бы на всѣхъ языкахъ, какъ это встрѣчается въ Константинополѣ.

Побывавъ въ Константинополѣ, нельзя уѣхать оттуда, не увезя съ собою настоящаго турецкаго табаку. По справкамъ оказалось, что даже и настоящій турецкій табакъ продаетъ англичанинъ, магазинъ котораго находится недалеко отъ тонеля, служащаго для спуска къ иловучему мосту на судахъ черезъ Золотой Рогъ. Англичанинъ, типичный и степенный торговецъ, товаровъ своихъ не навязываетъ, но зато и заламываетъ степенныя цѣны: за око (3 ф.) табаку, который будто бы куритъ самъ падишахъ, пришлось заплатить 3 полуимперіала.

Нельзя не упомянуть, что турки, простонародіе, солдаты и, вообще, всѣ военные, весьма симпатичны. Въ нихъ есть какая-то особая, деликатная, ни для кого не обидная гордость или, вѣрнѣе, сознаніе собственнаго достоинства. По

это кажется скоро утрачивается, когда представляется случай грабить. Объ этомъ, конечно, вѣрнѣе другихъ могутъ сказать болгары. Но можетъ быть страсть къ грабежу проистекаетъ и изъ другихъ причинъ.

По возвращеніи изъ Константинополя, придя однажды на пристань въ Санъ-Стефано, я, отъ нечего дѣлать, вмѣстѣ съ другими смотрѣлъ на сновавшіе по морю пароходы, каики и проч. Не далеко отъ пристани стоялъ подъ парами пароходъ, приготовленный для Его Высочества, имѣвшаго намѣреніе ѣхать въ Константинополь. Проходя по пристани, всегда привѣтливый, Великій Князь обратился ко мнѣ:

— Что отдыхаешь? Ты не хочешь ли побывать въ Петербургѣ?

— Такъ точно Ваше Высочества. Мнѣ даже необходимо ѣхать туда: дочь кончаетъ воспитаніе и надо ее устроить.

— Что же поѣзжай. И, обратясь къ своему лейбъ-медику Оберъ-Миллеру, прибавилъ: дай ему свидѣтельство о болѣзни; иначе я не могу отпустить его.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Одессу на пароходѣ Русскаго Общества, не помню на „Церерѣ“ или „Юнонѣ“, но во всякомъ случаѣ на какой-то миѳологической богинѣ. Такъ какъ богиня должна была отправиться въ путь рано утромъ, то всѣ отправляющіеся прибыли на пароходъ съ вечера. На этомъ пароходѣ возвращались въ Россію: Кубанская казачья сотня, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Жукова, генералъ Тяжельниковъ и я. Генералъ Черевинъ долженъ былъ сѣсть на пароходъ въ Константинополѣ. Часовъ въ 8—9 вечера всѣ пассажиры, вмѣстѣ съ капитаномъ парохода и его помощникомъ, при совершенно тихой погодѣ, сидѣли въ каютѣ за чайнымъ столомъ и мирно разговаривали. Вдругъ пароходъ покачнуло и послѣдовалъ подземный ударъ; черезъ нѣсколько секундъ повторилось то же самое. Это землетрясеніе, довольно слабое въ

Санъ-Стефано, было несравненно сильнѣе въ Константинополѣ. Какъ потомъ говорили, въ Санъ-Стефано попадали двѣ-три лошади да трещали дощатые балаганы, въ которыхъ помѣщались рестораны и театръ; въ Константинополѣ же землетрясеніе повредило нѣсколько домовъ.

Подойдя къ Константинополю, нашъ пароходъ остановился для исполненія различныхъ формальностей. Пождали еще нѣкоторое время прибытія генерала Черевина и, наконецъ, отправились въ Босфоръ и въ Черное море. На европейскомъ берегу этого картиннаго пролива, длинною линіей тянутся великолѣпные дворцы, султанскій гаремъ, роскошныя дачи иностранныхъ пословъ и вообще богачей; всѣ они утопаютъ въ зелени, подъ тѣнью темныхъ, почти черныхъ кипарисовъ. Эта линія всякихъ хоромъ начинается почти у Топхане (арсенала) и тянется до Арнаутъ-кіой, т. е. на протяженіи болѣе десяти верстъ. Азіатскій берегъ представляетъ довольно скудный видъ: пройдя Скутари, лежащій противъ Золотого Рога, встрѣчаются небольшія деревни, казармы и на каждомъ выступающемъ впередъ углѣ берега, батареи, орудія которыхъ направлены вдоль пролива къ Черному морю.

Изъ Босфора мы выходили, когда начинало смеркаться; погода измѣнилась, вѣтеръ свѣжѣлъ, надъ моремъ стояла мгла, волны Чернаго моря приняли тяжелый, свинцовый цвѣтъ. Мы провели въ морѣ полтора сутокъ и въ Одессу прибыли на второй день рано утромъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и представившись своему начальству, я заѣхалъ въ военно-ученый комитетъ къ генералу Н. Н. Обручеву, съ которымъ познакомился еще въ 1860 г. въ Лондонѣ. Потомъ въ 1875 и 1876 годахъ былъ назначаемъ въ его распоряженіе, въ числѣ прочихъ офицеровъ генеральнаго штаба, артиллерійскихъ и инженерныхъ, для рекогносцировокъ нашей западной границы.

Генералъ Обручевъ тогда же сообщилъ мнѣ, что, такъ какъ берлинская конференція не обѣщаетъ удовлетворительнаго результата, то предположено формировать другую армію, на случай войны съ Австріей, что главнокомандующимъ будетъ Государь Наслѣдникъ, а его начальникомъ штаба генералъ Обручевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ мнѣ занять, пока, мѣсто помощника начальника инженеровъ этой предположенной дѣйствующей арміи. Я согласился.

— Но, замѣтилъ генералъ Обручевъ, съ условіемъ на дняхъ же ѣхать на р. Днѣстръ, для устройства на ней переправы и операціонной базы.

Получивъ согласіе и на это условіе, генералъ приказалъ, на слѣдующій же день ѣхать съ нимъ въ Царское Село, гдѣ онъ хотѣлъ представить меня Наслѣднику Цесаревичу.

Государь Наслѣдникъ былъ очень милостивъ, подалъ руку и въ заключеніе сказалъ:

— Данное вамъ порученіе очень важно и можетъ понадобиться или очень скоро, или никогда. Поѣзжайте скорѣе и, не теряя времени, приступайте къ дѣлу.

На исполненіе разныхъ формальностей прошло дня три и затѣмъ я отправился въ г. Могилевъ на Днѣстрѣ. Въ помощники ко мнѣ опять былъ назначенъ капитанъ Главацкій. Скоро по пріѣздѣ въ Могилевъ туда пришла изъ Кіева запасная саперная рота.

Немедленно приступили къ устройству переправъ у Хотина, Могилева и у хутора Жванца. Кромѣ того, нужно было опредѣлить направленіе для прокладки желѣзной дороги отъ ст. Жмеринка къ Могилеву на Днѣстрѣ.

Когда всѣ наши работы были въ полномъ ходу, берлинская конференція тоже окончила свое дѣло и, благодаря честному маклеру, былъ заключенъ миръ, возмутительный для каждаго русскаго.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовало распоряженіе, все заго-

товленное на Днѣстрѣ продать съ аукціона или спустить внизъ по рѣкѣ и сдать Бендерскому крѣпостному инженерному управленію.

На этомъ оканчиваются воспоминанія мои о походной жизни въ послѣднюю кампанію, жизни, какъ могъ убѣдиться благосклонный читатель, переполненной многими невзгодами и неурядицами; но теперь, унесясь воспоминаніями за много лѣтъ назадъ, невольно дурное изглаживается изъ памяти и съ удовольствіемъ воскрешаешь въ себѣ давно забытые образы людей, съ которыми судьба такъ тѣсно связывала. Я вернулся въ Петербургъ и обыденная жизнь снова потекла своимъ теченіемъ.

М. Мазюкевичъ.

2007111368